

Николай Водовозов

Роберт Мальтус. Его жизнь и научная деятельность

Николай Васильевич Водовозов
Роберт Мальтус. Его жизнь
и научная деятельность
Серия «Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175510

Аннотация

«Книги и люди имеют свою судьбу. И как подчас жестока, как трагична бывает эта судьба!.. Ученый экономист, трудолюбивый исследователь, провозвестник нескольких истин, которыми может гордиться наука, Мальтус для большой массы читающей публики служит не то каким-то пугалом, не то мишенью для насмешек. С именем его в обществе тесно связано представление об... абортивных средствах. Во Франции можно часто встретить кличку „мальтузианка“ в применении к жуирующей даме высшего круга, не желающей себя обременять потомством...»

Содержание

Введение и глава I	4
Глава I	11
Глава II	36
Глава III	51
Глава IV	78
Глава V	100
Заключение	121
Источники	146

Николай Водовозов

Роберт Мальтус. Его жизнь и научная деятельность

Введение и глава I

Книги и люди имеют свою судьбу. И как подчас жестока, как трагична бывает эта судьба!.. Ученый экономист, трудолюбивый исследователь, провозвестник нескольких истин, которыми может гордиться наука, Мальтус для большой массы читающей публики служит не то каким-то пугалом, не то мишенью для насмешек. С именем его в обществе тесно связано представление об... abortивных средствах. Во Франции можно часто встретить кличку «мальтузианка» в применении к жуирующей даме высшего круга, не желающей себя обременять потомством. Что же, и в самом деле Мальтус давал рецепты против невольных последствий жуирования, и в самом деле его главной заботой было открыть предупредительное средство против деторождения? Ничуть не бывало, ни одного слова об этом мы не находим в сочинениях Мальтуса. Но, в таком случае, какое же отношение находят так называемые «мальтузианцы» и «мальтузианки» к автору «Опыта о народонаселении»? Точно такое же, как «дарви-

нист» Поль Астье из драмы Додэ к знаменитому английскому биологу или «детерминист», герой романа Бурже «Ученик» – к философу-историку Тэну...

Нравственные принципы и правила поведения люди не вычитывают из книг, они их составляют сами, под влиянием столкновений с действительной жизнью. Но у нас есть потребность приклеивать к убеждениям ярлыки, давать людям известные клички. И вот эти-то ярлыки, эти клички мы и заимствуем из «умных книжек», заимствуем иногда неудачно, заимствуем из книг, которых даже не читали, просто лишь понаслышке... Отсюда получаются удивительные курьезы: Дарвин оказывается ответственным за парижских искателей приключений, Тэн – за психопатов, Мальтус – за дам полусвета!

Однако, кроме таких *насильственных*, навязанных Мальтусу учеников, у него есть ученики и вполне добровольные, компрометирующие его не менее первых. Такие «ученики» имеют одну, всем им свойственную черту: им нет дела до научных основ учения Мальтуса, они берут только его практические выводы, и то не все, а лишь некоторые, пригоняют их так или иначе к собственному мирозерцанию и затем изготовленную таким образом однобокую, фальшивую доктрину приписывают автору «Опыта о народонаселении». В Англии и во Франции существует два разных преобладающих типа мальтузианцев. На родине Мальтуса, уже после его смерти, образовался целый кружок лиц, объединенных

той идеей, что, так как естественный прирост населения грозит человечеству страшными бедствиями, обязанность каждого – по возможности воздерживаться от произведения на свет большого потомства. Требование это находится еще в известном согласии с учением, развитым в «Опыте о народонаселении», но наши мальтузианцы идут далее самого Мальтуса. Так как, говорят они, главное заключается в том, чтоб население не слишком размножалось, – в сущности довольно безразлично, какими средствами достигается эта важная цель. И они придумали целый ряд средств – таких, о которых в сочинениях общего характера не принято даже говорить. *Нравственное* воздержание Мальтуса превратилось у его учеников в *безнравственное*... Преобладающий тип французских последователей Мальтуса имеет своеобразный оттенок. В то время, как мальтузианцы в Англии говорили о «нравственном долге *каждого*», об обязанностях «индивида перед обществом», мальтузианцы во Франции несколько сузили круг лиц, которым, по их мнению, обязательно обрекать себя на воздержание. Людям богатым стесняться нечего, но бедным... Жениться, когда не можешь содержать семью, разве это не возмутительно?! Вот в этом-то, в невоздержанности, в беззаботности, с которой бедняки обзаводятся семьями, и заключается, по мнению некоторых французских экономистов, причина их особенной нищеты, причина того, что они не могут подняться на высшую ступень общественной лестницы. Недаром и само слово – пролетарий,

происходя от латинского слова *proles*, означает столько же «бедный», сколько и «наклонный к размножению», «плодовитый». Итак, заключают наши мальтузианцы, вся нищета в современном нам строе происходит от чрезмерного размножения низших классов; весь социальный вопрос заключается в том, как бы привить пролетариям привычки к самообузданию и аскетическое отношение к любви и браку. Едва ли нужно говорить о всей жестокости такого совершенно своеобразного экономического *материализма*, согласно которому только деньгами покупается право на любовь и семейное счастье...

Определить с полной точностью ту долю вреда, которую принесли Мальтусу в общественном мнении французские и английские его ученики, конечно, невозможно, но мы склонны думать, что более половины тех постоянных нареканий в *жестокости* и *безнравственности*, которые всегда в таком изобилии расточаются по адресу Мальтуса, обязаны своим происхождением не «Опыту о народонаселении», а уже позднейшим вольным его толкованиям и комментариям. Обвинять Мальтуса в безнравственности – значит обнаруживать прямо свое незнание с «Опытом о народонаселении». Быть может, высшая мораль, мораль будущего, действительно не вполне согласуется с нравственными принципами английского мыслителя, но та ходячая, будничная мораль, с точки зрения которой Мальтуса забрасывали грязью, «Опытом о народонаселении» решительно не может почи-

таться затронутой. Более основания имеют объяснения в жестокости, хотя и тут, повторяем, надо отделить взгляды самого Мальтуса от всех позднейших наслоений и приклеек его учеников. Учение Мальтуса безотраднo, но надо показать, что оно ложно, иначе в чем же виноват исследователь, вскрывающий язвы общественной жизни? Разве ему, а не самой жизни обязан он своим существованием? Выводы, которые Мальтус делает из своих теоретических посылок, подчас действительно жестоки, но надо показать, что выводы эти сделаны неправильно, иначе какое значение могут иметь все наши жалобы?

Вот те соображения, по которым, знакомя читателей с Мальтусом, мы совершенно отрешились от той ходячей *моральной* оценки, которая, по нашему мнению, только вредит пониманию высказанных этим экономистом идей. Вообще, мы старались возможно полнее и возможно ближе к подлиннику изложить взгляды Мальтуса – писателя, всем известного по имени, но мало кому известного по его сочинениям. Чтобы изобразить мировоззрение Мальтуса во всей его полноте, мы считали необходимым, не ограничиваясь обзором одного «Опыта о народонаселении», обратиться и к другим, мало известным его сочинениям («Основания политической экономии», «Определения в политической экономии», «Природа и возрастание ренты»). Таким образом, учению Мальтуса о народонаселении мы предпослали изложение его общих экономических взглядов, весьма любопыт-

ных самих по себе и в то же время находящихся в полной гармонии и уясняющих нам ту доктрину, изображению которой посвящен и «Опыт о народонаселении». Быть может, для иных, незнакомых с политической экономией читателей эта глава (вторая), где мы трактуем взгляды Мальтуса на прибыль, ренту и заработную плату, где говорится об определениях экономических понятий и излагается его учение о фонде заработной платы, о кризисах и т. п., покажется чересчур специальной и трудной, хотя мы и сделали все от нас зависящее, чтобы придать изложению наиболее популярный характер. В таком случае читатели пускай пропустят всю общеэкономическую главу и обратятся прямо к не требующему никакой специальной подготовки народонаселенческому учению Мальтуса. Тут они найдут сначала исторический обзор тех взглядов на народонаселение, которые господствовали до Мальтуса, в древности, в средние века и в наше время. Такой обзор, считаем мы, необходим для уяснения того значения, которое «Опыт о народонаселении» получил в науке и в жизни. Не утруждая читателей разбором всех замечаний, предъявленных многочисленными критиками «Опыта», мы постарались лишь доказать, в какой степени аргументы противников Мальтуса колеблют его учение. По нашему критическому очерку читатели, надеемся, будут иметь возможность судить, что именно из этого учения сделалось уже достоянием прошлого и что, пережив критику истории, осталось непоколебимым вплоть до настоящего времени.

Мы льстим себя надеждой, что, каковы бы ни были недостатки нашей работы, читатели из нее познакомятся не с тем мнимым, фантастическим Мальтусом, который так часто служил мишенью для нападков и для насмешек якобы читающей публики, который вызывал столь неосновательные обвинения в безнравственности и столь преувеличенные жалобы по поводу своей жестокости, но с Мальтусом настоящим, реальным, с великим экономистом, обогатившим науку весьма замечательными исследованиями и прямо, можно сказать, создавшим учение о народонаселении, до того времени не существовавшее и сохранившееся в своих основных чертах неизменным даже до наших дней.

Глава I

Отец и родина Мальтуса. – Первые воспитатели. – Кембридж. – Начало литературной деятельности. – «Опыт о народонаселении», его успех. – Путешествия. – Годы учительства. – Друзья, литературные противники. – Характер Мальтуса и отзывы окружавших его.

Задача биографа Мальтуса не из особенно благодарных. Не то, чтобы жизнь и характер автора знаменитого «Опыта о народонаселении» не представляли никакого интереса для современников, не то, чтобы наши сведения о нем были уж слишком скудны (хотя они действительно не отличаются большой полнотой), но дело в том, что трудно представить себе жизнь более однообразную и в такой степени лишенную движения и внешних событий, как та, которую вел Мальтус. Кабинетный ученый, священник и профессор, он с ранней молодости и до конца своих дней занимался одним и тем же: учился и учил других. Все его интересы, все помыслы и наслаждения сводились к этому главному пункту; единственными внешними вехами его внутренней жизни являются для нас его работы. Пусть же читатель не удивляется, что в книжке, посвященной биографии Мальтуса, он найдет сравнительно мало чисто биографического элемента и, наоборот, так много о его сочинениях. Иначе мы не сумели бы оценить по заслугам значение человека, творения которого

принадлежат всему миру, а жизнь – небольшому кругу юных учеников и друзей.

О предках Мальтуса сведений не имеется. Известно только, что один из них, Франсис, а другие говорят Томас Мальтус, издал в 1629 году на французском и на английском языках сочинение: «Фейерверки, фортификация и арифметика». Это нам дает повод отметить в семье литературные традиции, поддержанные отцом Мальтуса и переданные сыну как бы по наследству. К характеристике отца и сводится в сущности все, что мы знаем о родителях Мальтуса. Что же касается матери, то о ней биографы хранят упорное молчание; она, по-видимому, рано умерла, не оказав на сына никакого заметного влияния. Скажем здесь кстати, что воспитание Мальтуса было вверено одним мужским рукам, влияние женского элемента не коснулось его ни в раннем детстве, ни позднее. Первым и главным воспитателем Мальтуса, сыгравшим немалую (хотя и довольно странную) роль в его жизни, был, без сомнения, его отец; на этой типичной, любопытной фигуре нам следует остановиться здесь немного дольше.

Даниель Мальтус родился в 1730 году. Свое образование он получил в Королевском колледже в Оксфорде, который оставил в 1747 году, не приобретя ни диплома, ни степеней. *Это* произошло не по недостатку средств, как полагали сначала иные биографы, потому что он был человеком состоятельным, и не вследствие его религиозного свободомыслия, потому что при матрикуляции он подписал требуемое заяв-

ление о своей принадлежности к государственной церкви, – причина этого лежала в том, что он совершенно не дорожил никакими внешними отличиями. Оставив университет, он не оставил дело своего образования; окруженный друзьями из литературного мира, Даниель Мальтус много читал, а затем и сам стал пробовать свои силы на литературном поприще. Как хорошему знатоку французской и немецкой литературы ему долгое время приписывался английский перевод «Поля и Виржини» и «Страданий молодого Вертера». Однако новейший биограф Мальтуса, Бонар, опровергает это и говорит, что он писал оригинальные статьи, имевшие большой успех в свое время, но неизвестные нам теперь вследствие их анонимности. Большой поклонник гуманной, освободительной философии XVIII века, Даниель Мальтус был лично знаком с некоторыми из своих знаменитых современников, в частности, с Юмом и Руссо; последний даже сделал его своим душеприказчиком.

Женившись, Мальтус-отец поселился в Суррейском графстве, близ Доркинга, где находилось его небольшое имение в местечке Рукери. Здесь и родился сначала старший его сын, Сайденгэм, а затем, 14 февраля 1766 года, младший, Томас Роберт, впоследствии автор «Опыта о народонаселении». Обстановка, в которой вырос мальчик, была вполне благоприятна для его развития. Он не знал бедности и лишений, но в то же время не был избалован и большим богатством; детство Роберта протекало в деревне, на лоне приро-

ды, в живописнейшей местности, в доме обыкновенного английского помещика средней руки. Окружающие любили отца Мальтуса как умного, любезного человека, составлявшего украшение прихода, но в то же время несколько эксцентричного, довольствовавшегося обществом детей и немногих знакомых. Все свое время Даниель Мальтус проводил или в своем кабинете за книгами, или занимаясь ботаникой и изучая природу. В длинные зимние вечера он любил сидеть у камина, мечтая о грядущих веках и о будущем счастье всего человечества. В доме тогда было тихо и чинно, всякий сидел за каким-нибудь делом, а с улицы доносились только шум ветра да однообразные крики грачей...

В таких условиях и при таком отце маленький Роберт должен был рано обнаружить склонность к книжным занятиям и к размышлениям. Он не был, однако, ребенком тихим, лимфатическим, склонным к сидячей жизни, какими обыкновенно бывали примерные, ученые дети. Напротив, обладая хорошим здоровьем и веселым открытым характером, Роберт любил общество и игры, в которых вместе с его братом участвовал иногда и отец. Последний предоставлял своим детям много свободы, и это вытекало у него из его общих философских и педагогических взглядов. Поклонник Руссо и всякой «естественности», насквозь проникнутый идеями «Эмиля», Даниель Мальтус полагал, что известного рода *laissez faire* – лучшая система воспитания. К обычному воспитанию в общественных заведениях он чувствовал большое

недоверие, вынесенное им, вероятно, из собственного опыта, и потому старался дать сыновьям образование домашнее, сам направляя их занятия и удовлетворяя их умственную пытливость. Многое, однако, он предоставлял их самостоятельности, возлагая большие надежды на внешние условия и естественную любознательность детей.

В Роберте обнаружили скоро особенные способности. Тогда, не полагаясь на одни свои силы, отец решил поискать ему воспитателя. Он верил, что дети отличаются всеми теми достоинствами и недостатками, какие были свойственны их родителям в их годы, и потому, полагал, что для его сына всего полезнее будут те самые люди, которые оказали и на него в свое время хорошее влияние. Рассуждая таким образом, Мальтус-отец остановился на одном из своих старинных знакомых, мистере Ричарде Грэвсе, и в 1776 году отправил к нему своего младшего сына обучаться латинскому языку и хорошим манерам. Воспитатель десятилетнего Роберта, или Дон Роберто, как его здесь стали называть, был человеком старым, весьма образованным и автором «Духовного Дон Кихота», этой очень известной в свое время, но несколько грубой сатиры против религиозных распрей вообще и против двух английских теологов в частности. Не имея педагогического призвания, Грэвс не особенно много внимания уделял своим воспитанникам, которых у него было несколько, а потому не удивительно, что они занимались больше междоусобной бранью, нежели латинским языком;

хорошие манеры при этом прививались тоже не очень усердно. Отец Мальтуса был не очень доволен педагогическими приемами своего старого друга, поэтому счел нужным взять сына от мистера Грэвса и передать его в другие руки.

Новым воспитателем Роберта был человек весьма замечательный и довольно известный в тогдашнем английском обществе: Жильберт Уэкфильд. Он принадлежал к числу тех непокорных священников, которые отказались принять «39 статей», формулировавших впервые при Елизавете основные догматы английской церкви. Примкнув к диссидентам, Уэкфильд сделался профессором в Варрингтонской академии, основанной для того, чтобы давать «либеральное образование» детям его единоверцев; сюда же посылали своих сыновей и те из верных господствующей церкви англичан, которые, подобно Даниелю Мальтусу, сами придерживаясь свободных взглядов в вопросах религии, желали и своих сыновей воспитывать в том же духе. Уэкфильд, однако, был очень далек от действительного религиозного свободомыслия; отвергнув «39 статей», он стал фанатиком диссидентства. Описывая своего учителя лет 20 спустя, Мальтус рисует его нам как человека стойкого и идеально честного, не способного идти ни на какие компромиссы и совершенно бескорыстного, в обществе скромного и любезного, но неумеренного и заносчивого в публичных диспутах религиозного характера. Неумеренностью и грубостью отличалась и его литературная полемика с Пэном, известным представи-

телем английского рационализма, автором сочинений «Век разума» и «Права человека». Это не мешало Уэкфильду придерживаться очень правильных и трезвых взглядов на воспитание. «Величайшая услуга, которую может принести воспитатель молодому человеку, – говаривал он, – это научить его пользоваться своими собственными силами и вести к знанию постепенно, так, чтобы тот видел путь, которым он идет, и наслаждался сознанием своих способностей и своих успехов. Иначе могут выйти Только куклы и полужайки».

Если детям умственно слабым и неспособным подобная система могла оказаться не по плечу, то Мальтусу она принесла много пользы. Его независимый и смелый ум, воспитанный деревенской свободой и бессистемными, случайными занятиями у мистера Грэвса, обогатился теперь при умелом содействии Уэкфильда значительным запасом знаний. Правду сказать, судьба удивительно благоприятствовала развитию мальчика. Сами по себе оба главных его воспитателя: Уэкфильд, сектант и религиозный фанатик, и Мальтус-отец, немного фантастический последователь французской философии, – не представляли собой примеров для подражания и были далеки от идеала спокойного, лишённого всякой предвзятости искания истины. Но кроме некоторого фанатизма, их сближало еще глубокое отвращение ко всякому духовному гнету над несозревшим умом их воспитанника. В этом отношении они избежали ошибки многих хороших, честных, но близоруких родителей, полагающих задачу воспитания не

в том, чтобы только развить способности и дать познания ребенку, но чтобы еще и привить ему определенные убеждения и заставить смотреть на вещи известными глазами. Поэтому в то время как подобные эксперименты кончаются обыкновенно неудачно, или гибельно отзываясь на умственных силах воспитываемых, или поселяя раздор между ними и воспитателями, в данном случае получилось совершенно иное: юноша Роберт обогатился не сухим, мертвым знанием, но богатым материалом для собственных размышлений; он научился относиться критически ко всему окружающему и в то же время сохранил глубокое уважение к своим воспитателям, с которыми он уже тогда расходился в некоторых взглядах.

Из рук мистера Уэкфильда молодой Мальтус перешел в иезуитскую коллегию в Кембридже. Сказавшееся в этом шаге решение избрать духовную профессию биографы Мальтуса объясняют отчасти влиянием Уэкфильда, окончившего свое образование именно в этом заведении и устроившего в нем своего воспитанника, отчасти желанием самого юноши приобрести обеспеченное материальное положение, в котором Мальтус нуждался, потому что как младший сын он не наследовал в имуществе отца, перешедшем сполна его брату. Надо думать, что его решение сформировалось не без влияния и хорошей постановки преподавания в иезуитской коллегии. Поступив туда в 1785 году, Мальтус с жаром принимается за занятия. Подобно своему отцу, совершенно равно-

душный к наградам и одобрениям учителей, он руководится только своею неутомимую жаждою занятия и своим особенным пристрастием в то время к языкам, к истории и к изящной, литературе; не ища их, он удостоивается, однако, наград за декламацию, за латинский и греческий языки. Но всего ярче обнаружались в коллегии математические способности Мальтуса, как об этом свидетельствует один из его преподавателей, Френд, автор политического трактата «Мир и союз».

Сдавая окончательные экзамены в коллегии, Мальтус предполагал предаться затем в течение двух-трех лет научным занятиям по им самим составленному плану. Он пишет об этом отцу, а тот, боясь увидеть в сыне свою собственную слабость к чересчур отвлеченным умозрениям, предостерегает его от увлечения математикой и абстрактными знаниями; он советует Роберту заняться прикладными науками, чтобы сделаться землемером, механиком или мореплавателем. Тот возражает на это, что прикладные науки от него не уйдут, а что в ближайшие два года он желал бы с позволения отца заняться «основными принципами»; впоследствии же он обещает быть скромным натуралистом и ознакомиться с «приложениями». Все его письмо проникнуто глубокой почтительностью к отцу, с которым вообще у него были прекрасные отношения, несмотря на приключавшиеся время от времени стычки по отдельным вопросам. Отец в эту пору описывает нам Роберта как приятного собеседника, челове-

ка симпатичного, великодушного и веселого. Возвращаясь на каникулы домой, он делался там любимцем всех окружающих и вносил утешение и радость в отшельническую жизнь старика Мальтуса.

После восьми-девятилетних вместо двухлетних, как он предполагал сначала, усиленных занятий, главным образом, гуманитарными науками и общественными вопросами, в 1797 году Мальтус получает степень магистра. В том же году он делается адъюнкт-профессором в коллегии, а затем занимает место священника около Альбёри. К этому времени относится и начало его литературной деятельности. Первым сочинением Мальтуса был политический трактат под названием «Кризис», заключающий в себе резкую критику действий стоявшего тогда у власти Питта; однако, по совету отца, памфлет этот остался в авторском портфеле. Здесь мы находим уже зачатки будущего учения о народонаселении или, вернее, зарождение основных положений «Опыта о народонаселении», решительный толчок к созданию которого дали сочинения Годвина и споры, возбужденные ими между отцом и сыном.

Вильям Годвин, писатель в свое время весьма известный и уважаемый, принадлежал, казалось, к одному поколению с Мальтусом-отцом, хотя и был на 25 лет его моложе, так они во многих отношениях были близки друг другу по духу. Подобно Даниелю Мальтусу, он был большим поклонником французской философии и великой революции. Подоб-

но Даниелю Мальтусу, он верил в способность человеческой породы к безграничному совершенствованию и в наступление золотого века для всего человечества. Главное сочинение Годвина – «Политическая справедливость», – как видно и по самому заглавию, не имеет ничего общего с политической экономией.

Здесь автор развивает свои взгляды на государство, существование которого он считает несовместимым с благом отдельных граждан, и выставляет идеальный строй полного равенства и свободы. В других своих сочинениях Годвин подходит ближе к собственно экономическим вопросам; он обрушивается на частную собственность, в которой видит корень всяческого зла, укоряет экономистов за то, что они слишком мало внимания уделяют вопросам распределения, занимаясь почти исключительно одним производством, и высказывает то убеждение, что при свободном строе люди будут меньше трудиться и больше наслаждаться жизнью. Таким образом, он снова возвращается к политической реформе, которую считает первым необходимым шагом к более справедливому общественному строю.

Сочинения Годвина были весьма популярны в английском обществе; их много читали, критиковали и комментировали. Его идеи находили себе горячих приверженцев, к числу которых принадлежал, между прочим, и Мальтус-отец. Нет ничего удивительного, что, когда молодой Мальтус, получив степень магистра и место адъюнкт-профессора при колле-

гии, приехал в 1797 году в родительский дом на каникулы, между ним и его отцом стали возникать разговоры по поводу тех идей, которые были пущены в обращение Годвином. Даниель Мальтус их горячо отстаивал, а Роберт нападал, видя в них ни на чем не основанные, легкомысленные мечтания. Отец и сын как бы поменялись ролями: сын ядовито посмеивался над «незрелыми мечтами» отца, отец же мог упрекнуть своего сына в консерватизме и старчестве. Принципиальная, глубокая рознь между этими двумя действительно столь различными людьми была очевидной, и старику Мальтусу нужно было иметь терпение Иова, чтобы благодушно сносить, когда его сын с чисто юношеской запальчивостью бросал свои камешки в его огород. Но тут-то и сказалось все редкое благородство характера Мальтуса-отца, его глубокое уважение и полная терпимость к чужим убеждениям, как бы они ни расходились с его собственными. Бесконечные споры и коренные разногласия не испортили личных отношений сына с отцом: до самой смерти последнего (1800 г.) они не переставали любить и уважать друг друга.

Оспаривая взгляды Годвина и доказывая неосуществимость его системы полного равенства, Мальтус указывал главным образом на одну страсть человека, ниспровергающую, по его мнению, все идеальные построения: страсть эта – половое влечение, стремление к воспроизведению себе подобных. Чем лучше те материальные условия, в которых находится человек, тем сильнее проявляется в нем эта

страсть, или, иначе говоря, где только материальные условия это позволяют, там сейчас же появляется на свет новый член общества. Таким образом, увеличивающееся население, создавая новые рты, постоянно и неизбежно понижает уровень благосостояния всего народа. Только нищета и преступления сдерживают рост населения на уровне имеющихся запасов пищи, при уничтожении же этих препятствий в идеальном строе Годвина должны тотчас же обнаружиться все бедствия перенаселения. Неразумно, значит, укорять правительство за нищету народных масс и неправильно видеть в политической реформе спасение от того зла, которое порождено неустранимыми законами природы. В поисках возражений против Годвина Мальтус, таким образом, впервые ясно сформулировал себе свой взгляд на вопрос о народонаселении, а сформулировав, решил его опубликовать во всеобщее сведение. Так возник «Опыт о законе народонаселения», создавший автору всемирную и неувядаемую славу.

Появившееся в 1798 году без имени автора первое издание «Опыта...» отличалось многими несовершенствами, однако не помешавшими ему иметь большой успех у публики. Написанное с полемическими целями и без достаточной специальной подготовки автора, сочинение Мальтуса было переполнено риторическими украшениями и в то же время нуждалось в фактическом обосновании; если, несмотря на все недостатки, оно произвело фурор при своем появлении, то это объяснялось, главным образом, двумя причинами. Во-

первых, книга касалась жгучих вопросов минуты и, во-вторых, давала на них верный или неверный, но во всяком случае решительный и оригинальный ответ. Чтобы понять значение «Опыта о народонаселении», надо вспомнить эпоху, когда он появился. То был конец XVIII века, ознаменовавшегося в Англии многими великими изобретениями в области техники и механики, открытием залежей угля и железа на острове и необыкновенным развитием национальной промышленности. Непосредственным результатом этого последнего было разрушение старых экономических устоев, разрушение цехов и корпораций, дававших своим членам известное покровительство и обеспеченный заработок. Нужды новой промышленности потребовали отмены стеснительных предписаний законодательства, до того времени бравшего под свою защиту учеников и подмастерьев; те же нужды привлекли в промышленные центры массы рабочих рук, оторванных от земледелия или освободившихся вследствие упадка ремесел. Вслед за непродолжительной эпохой высокой заработной платы наступило противоположное движение падения цен на труд. К этому присоединился неурожай 1795 года; продукты первой необходимости подорожали в небывалых размерах, народ голодал и не скрывал своего неудовольствия, а в Лондоне толпы рабочих останавливали на улицах карету короля, крича: «Хлеба, дайте нам хлеба!» Общество было обеспокоено, ища выход из затруднительного положения. Питт предлагал реформу законов о бедных,

другие говорили о невежестве простого народа, третьи предлагали устроить рабочие союзы, четвертые требовали субсидий семейным рабочим, некоторые, наконец, всю вину сваливали на свободу торговли. И вот в такое-то время всеобщего возбуждения умов появляется книга, устанавливающая порядок в хаосе противоречивых суждений и с полной твердостью указывающая на действительную причину всех бедствий. «Перенаселение» – это было новое слово, новый лозунг, за который многие сейчас же ухватились с тем большей радостью, что для иных он мог служить отличным оправданием их эгоизма. Не оказалось недостатка и в возражениях, подчас даже очень резких, но критика содействовала только тому, что «Опыт о народонаселении» получил сразу громадную известность.

Сам Мальтус, однако же, не почил на лаврах так неожиданно и так сравнительно легко доставшейся ему славы. Друзья указывали ему на недостатки его «Опыта», да он их и сам хорошо видел. Он сознавал, что только диалектически опроверг взгляды Годвина и что совершенно недостаточно подменить одни абстракции другими. Мальтусу было совершенно ясно, что его мысли нуждаются в доказательствах и в фактическом обосновании, поэтому он усердно занялся ближайшим изучением того вопроса, который ему приходилось решать в своем «Опыте...» сначала без достаточных знаний. Но положение вопроса о народонаселении в то время было таково, что Мальтус имел перед собою лишь самую

бедную литературу и, главное, самое ограниченное количество точных, проверенных фактов. Статистики как науки тогда еще не было; приводившиеся главным образом немецкими учеными статистические данные отличались неполнотой и случайностью, причем ими пользовались тенденциозно и неумело. Мальтусу, когда он взялся за подробную разработку вопроса о народонаселении, приходилось самому и собирать факты, и обобщать их, и полагать основания научным статистическим исследованиям, и давать точные ответы на жгучие вопросы современности. Он скоро увидел себя вынужденным прибегнуть к путешествиям как к единственному возможному средству собрать недостающие сведения и собственными наблюдениями пополнить существующий пробел.

В 1799 году мы видим его путешествующим в компании с Оттером, впоследствии епископом и биографом Мальтуса, Кларком, известным английским путешественником, и другими по Германии, Швеции, Норвегии, Финляндии и отчасти по России, то есть по всем тем странам, которые были доступны для посещений иностранцев в то смутное время. Несколько лет спустя, после Амьенского мира, Мальтус посещает еще Францию и Швейцарию. По возвращении из первого путешествия он пишет и издает (анонимно) небольшой трактат о причинах дороговизны товаров; по возвращении же из второго путешествия он выпускает второе, переработанное и дополненное, издание «Опыта о народонаселе-

нии». Переработке подверглась как внешняя форма изложения, так и некоторые основные положения самого учения. По совету друзей и следуя указаниям критиков, Мальтус исключил из своей книги некоторые более резкие места и придал изложению более деловитый характер, пожертвовав многими риторическими украшениями: целый ряд новых глав, иллюстрирующих вопрос о народонаселении примерами тех стран, которые автор объехал при своих путешествиях, увеличил первоначальный размер его сочинения больше чем вдвое.

Главное изменение по существу состояло в том, что нищету и преступления он не считает теперь уже единственными препятствиями чрезмерному возрастанию народонаселения, но присовокупляет к ним нравственное воздержание или сознательный отказ от деторождения. Сообразно такому добавлению, являющемуся как бы уступкой Годвину, который тоже возлагал большие надежды на подавление разумом страстей, – и нарисованная Мальтусом картина будущего с его неизбежным злом перенаселения должна была утратить много в своей мрачности. К сожалению, такая важная поправка в учении нисколько не отразилась на конечных выводах автора и потому внесла некоторую дисгармонию в прежде столь стройное здание его системы; на это было тотчас указано его критиками, которых оказалось теперь больше и которые ко второму изданию отнеслись строже, чем к первому.

Через два года после выхода в свет второго издания «Опыта о народонаселении», то есть в 1805 году, Мальтус был назначен профессором истории и политической экономии в училище Ост-Индской компании, а незадолго перед тем, зная уже о своем назначении, он женился на некоей мисс Гарриет Экерзаль. Кто сколько-нибудь знаком с учением Мальтуса, тот знает, конечно, что он отнюдь не был противником брака вообще, а потому и в его женитьбе, состоявшейся, когда Мальтус получил определенное, обеспеченное положение в обществе, не усмотрит никакого противоречия с его учением. Но в том-то и дело, что противники Мальтуса не всегда находили нужным знакомиться с его «Опытом о народонаселении», и потому могли ставить ему в вину его брак, заключенный в действительности согласно всем выставленным им самим теоретическим требованиям. Французский экономист Шербюлье пошел еще дальше и приписал Мальтусу одиннадцать дочерей, в многочисленном обществе которых тот будто бы ходил в гости к своим знакомым (как это правдоподобно!). Кауцкий, скептически относящийся к апокрифическому рассказу Шербюлье, не упускает однако же случая состричь, что, по всей вероятности, дочери Мальтуса пали жертвой перенаселения. В действительности автор «Опыта о народонаселении» имел только троих детей, сына и двух дочерей, из которых одна умерла в раннем детстве, другая же жива, кажется, и до сих пор.

Учебное заведение, в котором Мальтус был назначен про-

фессором и где он до самой своей смерти не только читал лекции, но и исполнял обязанности священника, основано было для того, чтобы давать образование молодым людям, посылаемым в Индию в качестве агентов компании. Ни подбор воспитанников, ни постановка образования в училище не могли считаться вполне удовлетворительными. Специальные цели заведения давали себя чувствовать и на общих предметах, которые преподавались применительно к обстоятельствам; так, например, при передаче начал политической экономии особенное внимание по требованию программы должно было быть обращено на «разъяснение политических и коммерческих отношений, существующих между Индией и Великобританией». Что же касается воспитанников, то они отличались несколько буйным характером, и потому драки в училище были не в редкость. Видимо, дело не обошлось и без рукопашных схваток с профессорами, потому что один из них пишет следующее при вести о назначении в училище нового преподавателя: «Его положение здесь будет очень хорошо, если не считать побоев и контузий. Но он может требовать себе вознаграждения за убытки или ежегодной пенсии, если побои студентов сделают его неспособным к продолжению занятий. Не будет ли полезно советовать профессорам изучать употребление пращи – *balearis-habena*? Это бы доставило им большое преимущество перед студентами».

Сам Мальтус, однако, не только не выражает никакого

неудовольствия на училище, но даже берет его под свою защиту, ввиду усиленных нападков. Он жалуется только на одно – на крайнюю зависимость, в которую профессора поставлены от директоров; буйство студентов он считает явлением вполне устранимым, если профессорам будет предоставлена дисциплинарная власть. Что касается конкретно его предмета, то он вполне доволен успехами учеников и, судя по своему опыту, полагает возможным сделать преподавание политической экономии настолько популярным и доступным, чтобы ее можно было ввести в курс народных училищ. Впрочем, по свидетельству его биографа, Бонара, лекции Мальтуса хотя и приближались по своему стилю скорее к первому, чем к последующим изданиям его «Опыта...», однако благодаря некоторой своей сухости не могли очаровывать слушателей, тем более, что Мальтус обладал весьма крупным для оратора недостатком (заячьей губой), делавшим его произношение не особенно внятным.

Но, как уже мы сказали, сам Мальтус вполне доволен своим положением. Почти полных 30 лет его учительства проходят в невозмутимом покое, среди живописной деревенской обстановки (училище помещалось за городом) и непрерывных научных занятий. Жизнь его за все это время отличается полным отсутствием внешних событий, но зато самой усиленной работой ума. Из фактов внешней жизни мы здесь отметим только посещение Мальтусом знаменитого Нью-Ланаркского предприятия Оуэна, да его участие сначала в Ко-

ролевском научном обществе, а затем, вместе с Джеймсом Миплем, Гротом и Рикардо – в основанном Туком экономическом клубе. Здесь кстати будет отметить многолетнюю (с 1810 по 1834 год) дружбу Мальтуса с Рикардо, – дружбу, основанную на общности их научных занятий и не страдавшую нисколько от их теоретических разногласий. Результатом ее является изданная Бонаром обширная переписка, в которой мы находим много любопытного материала для характеристики экономических взглядов обоих друзей, но ничего такого, что бы нам рисовало их личные отношения, характеры и образ жизни. Дружба Рикардо с Мальтусом была чисто абстрактного свойства, напоминая собою сочинения первого.

За все это время литературная деятельность Мальтуса отличается большой продуктивностью. С 1805 года он издает один за другим несколько новых изданий своего «Опыта...», каждый раз дополняя, переделывая и полемизируя в приложениях со своими противниками. В 1814–1815 годах он пишет «Замечания на хлебные законы», особое «мнение» по вопросу об ограничении ввоза, и весьма важное сочинение «Природа и возрастание ренты». 1820 год отмечен крупной теоретической работой Мальтуса – «Политическая экономия», к которой через два года он присовокупляет трактат «Мерило ценности». Мы опускаем несколько мелких статей, чтобы отметить и до сих пор сохранивший свое значение труд «Определения экономических понятий». Приготовляя

ко второму изданию свою «Политическую экономию», в самом разгаре работы, 29 декабря 1834 года, Мальтус неожиданно умер.

На автора «Опыта о народонаселении» так часто возводят упреки в безнравственности и жестокости, его учение и до сих пор так охотно обсуждается с чисто нравственной точки зрения, что мы считаем не лишним привести несколько свидетельств, рисующих характер и нравственную личность Мальтуса, предоставляя себе впоследствии произвести оценку и самого его учения. Первое, что здесь следует отметить, – это полное бескорыстие Мальтуса. Он сознательно уклонился от высокой духовной карьеры, которая могла бы дать ему и деньги и почет, и удовольствовался скромной ролью учителя во второразрядном учебном заведении, 30 лет занимая одно место и не ища никаких повышений. Говорят, будто его «Опыт...» имел в виду не интересы науки, а интересы партии, которой Мальтус желал дать своей книгой оружие в руки. Это неверно. По своим убеждениям причисляемый к вигам (либералам), Мальтус в действительности стоял совершенно в стороне от политических партий. Он ничем не выражает своего удовольствия, когда партия вигов торжествует и оказывается у власти, он не предпринимает ничего, что его могло бы сделать влиятельным человеком в политическом мире. Таким образом, его «Опыт...» надо рассматривать совершенно объективно, как в общем совершенно объективно, в интересах истины он и писался Мальту-

сом. Мы не хотим этим сказать, что в своей «Политической экономии» Мальтус не проявлял никакой тенденциозности и что его идеи не послужили оружием в руках буржуазных защитников существующего экономического порядка. Но это еще не делает автора «Опыта...» человеком в полном смысле партийным и в сущности несколько не отличает его от всех современных ему экономистов: Рикардо, Сэя и других.

Незлобивость, невозмутимость и полное душевное равновесие – вот что составляет истинную основу характера Мальтуса. Мисс Гарриет Мартино, хорошо знавшая его в последние годы, пишет о нем следующее: «Человека более простодушного, добродетельного и благожелательного, чем Мальтус, нельзя было найти во всей Англии». Несмотря на то, что он подвергался в литературе совершенно необузданным нападкам, «я видела в нем одного из самых веселых и невозмутимых людей в обществе. Я однажды спросила Мальтуса, разве он не страдал в душе от клевет, которыми его преследовали? „Только в самом начале“, – сказал он мне. „Я удивляюсь, что это не заставляет вас быть каждую минуту настороже“. – „После первых двух недель – никогда“, – был ответ». Такими же чертами, хоть и в несколько приподнятом тоне, рисует Мальтуса его товарищ по путешествиям Оттер: «Его жизнь была более чем чья-либо другая постоянным проявлением просвещенного благоволения, довольства и мира; он представлял собою тип чистейшего и лучшего философа, просветленного христианскими чувствами и проникнутого

христианским милосердием. Характер его был так спокоен и кроток, его терпимость к другим была так широка и так возвышенна, его желания так умерены и его власть над своими страстями так велика, что автор настоящей статьи, знавший его самым близким образом около 50 лет, редко когда его видел взволнованным и положительно никогда не видел разгневанным, надменным или унылым». Мелкой обидчивости, тщеславия и самомнения Мальтус был совершенно лишен.

«Он был очень чувствителен, – говорит его французский биограф Шарль Конт, – к одобрению людей просвещенных и умных; он придавал большую цену общественному мнению; но незаслуженные оскорбления не волновали его, настолько он был убежден в правоте своих взглядов и в чистоте своих намерений». Оттер, мисс Мартино, Сидней Смит, Гарнер, все люди, знавшие Мальтуса, отзываются о нем единогласно в духе глубокого уважения и почтительности. Особенно замечателен отзыв мистера Макинтоша: «Я знал *немного* Смита, *хорошо* Рикардо и *близко* Мальтуса. Мне кажется, кое-что значит, что эти три величайших мастера были вместе с тем и тремя лучшими людьми, которых только я знал».

Мы полагаем, что не сумеем лучше закончить биографию Мальтуса, как воспроизведя целиком следующую трогательную, полную глубокого чувства и справедливой благодарности надпись, сделанную его друзьями на его могильной плите:

ПАМЯТИ ТОМАСА РОБЕРТА МАЛЬТУСА,

хорошо известного всему образованному миру своими прекрасными трудами по социальным вопросам политической экономии, и в особенности своим «Опытом о народонаселении»; одного из лучших людей и честнейших философов всех времен и народов, природными достоинствами своего ума поднявшегося выше кривотолков невежд и презрения людей великих; он прожил счастливую и невозмутимую жизнь, посвященную исканию и распространению истины, поддерживаемый глубоким и крепким сознанием пользы своих трудов, довольствуясь одобрением людей хороших и мудрых. Его писания будут прочным свидетельством широты и справедливости его взглядов. Неоспоримая честность его убеждений, его природная справедливость и чистота, привлекательность его характера, учтивость его манер, нежность сердца, благосклонность и благочестие – оставили самую дорогую память о нем у его семьи и друзей.

Глава II

Основные экономические взгляды Мальтуса: определения экономических понятий; богатство и производительный труд; мерило ценности; рента, заработная плата и прибыль. – Отношение Мальтуса к рабочему классу. – Значение рынков и вопрос о промышленных кризисах. – Заблуждения и заслуги Мальтуса как экономиста.

Когда в 1820 году Мальтус выступил со своей «Политической экономией», экономическая наука обладала уже многими капитальными сочинениями. Не говоря об основополагающем труде Адама Смита, достаточно будет упомянуть здесь о работах физиократов, об «Основаниях политической экономии» Рикардо и о многочисленных писаниях Сэя. Интерес к политической экономии в обществе был уже достаточно пробужден всеми этими сочинениями, и новые труды того же рода встречали повсюду внимательный и сочувственный прием. Но вместе с нарастанием экономической литературы росли и разногласия между отдельными мыслителями; оспариванию подвергались самые основные положения политической экономии, даже в определениях экономических понятий единодушия не было. Возникли школы, течения, направления – и молодой науке, едва успевшей выделиться из всей совокупности философских и нравственных знаний, грозило, казалось, запутаться в бесчисленных противоречи-

ях и потерять весь свой авторитет в глазах общественного мнения. Зрелище этой раздробленности, этих несогласий и внутренних противоречий побудило Мальтуса заняться пересмотром основных положений политической экономии и подвести итог полученным до него результатам. Цель этого пересмотра была чисто практического свойства: устранить подчас вполне схоластические споры и установить возможное единство в основных вопросах.

Главной причиной разногласий между отдельными экономистами Мальтус считал пагубное, по его мнению, стремление к *упрощению* сложных общественных явлений, желание свести все к действию одной какой-нибудь причины и протекающее отсюда сознательное игнорирование всех других факторов. «Политическая экономия не математика, – говорил он, – и та искусственная простота, которую стараются придать ее выводам, служит только в ущерб ей, отдаляя ее от действительной жизни... Первая задача всякой философии – это объяснить вещи как они есть, а не как они могут представиться нашему воображению... И пусть ни соображения временного удобства, ни опасение нарушить стройность общего правила не побуждают нас никогда сходить с прямой дороги к истине или скрывать такие факты, которые могут не согласоваться с нашими общими положениями».

Преследуя практическую цель объединения науки и установления основных ее принципов, Мальтус не мог не остановиться на том, что всего нагляднее разделяло экономи-

стов, – на определениях. Им посвятил он особое сочинение «Об определениях в политической экономии», – сочинение, которое и в настоящее время в своей критической части сохранило большой интерес для специалистов. Мы извлечем отсюда только те основные правила, которыми Мальтус руководствуется, разбирая чужие определения и формулируя свои. Вот эти, столь же практичные, сколько и осторожные правила, слишком элементарные на первый взгляд и тем не менее нередко нарушаемые исследователем. *Первое правило:* «Когда употребляются термины, постоянно встречающиеся в разговорной речи просвещенных людей, надо стараться их определять и употреблять, сохраняя тот смысл, который им чаще всего придается». *Второе:* «Когда термины не имеют санкции общеупотребительности, лучшим авторитетом являются наиболее видные представители науки, в особенности если среди них есть один, которого по общему отзыву считают ее основателем» (намек на А. Смита). Этим правилом, как поясняет Мальтус, он хочет предостеречь только против чрезмерного увлечения созданием новых определений. Когда же в новом определении чувствуется действительно необходимость, его надо дать, руководствуясь *третьим правилом:* «Предложенное изменение должно совершенно устранять все неудобства старого термина, не вызывая со своей стороны таких же или еще больших неудобств». Нужно еще (*четвертое*), «чтобы новые определения согласовались с теми, которые положены в основу науки, и чтобы

одинаковые термины сохраняли всегда один смысл».

Политическая экономия – это, по взгляду Адама Смита, наука о богатстве народов, о природе и причинах его. Что же такое само богатство? – спрашивает себя Мальтус. Различные экономисты понимают это выражение неодинаково: одни очень узко, другие чрезвычайно широко. Физиократы, например, обозначали им преимущественно только продукты земледелия, тогда как Сэй вводил в понятие богатства, кроме всякого рода внешних благ, также и умственную деятельность человека, разные личные услуги, «самые благородные добродетели и самые редкие таланты». Оба эти понимания Мальтус признавал крайностью: согласно первому богатые промышленные страны придется называть бедными; что же касается второго, то оно, по его мнению, вносит совершенную путаницу во все наши понятия: богатый человек и добродетельный человек – разве это одно и то же? Возможность накопления и сбережения, отсутствующая в личных услугах, кажется ему существенным признаком богатства. Согласно такому взгляду богатой страной мы назовем ту, которая сравнительно с размерами своей территории будет обладать большим количеством полезных для ее населения материальных предметов.

От того, как понимать богатство, зависит, что называть производительным трудом. Физиократы вполне логично считают таковым только труд земледельческий, тогда как Сэй не отказывает в этом названии ни деятельности государ-

ственного человека, ни работе домашней прислуги. Мальтус в полном согласии с данным им определением богатства признает только тот труд производительным, который направлен на производство материальных предметов. Поэтому труд учителя, государственного человека или прислуги не является, на его взгляд; трудом производительным, но в то же время Мальтус не хочет его называть и непроизводительным, чтобы не прилагать никакого неодобрительного эпитета к той форме деятельности, которая, не доставляя никаких материальных предметов, тем не менее очень полезна, даже необходима для государства. Он изобретает для нее особое название и всякий труд, не являющийся в его смысле производительным, обозначает понятием «личные услуги». Труд производительный создает капитал или ту «часть материального богатства страны, которая сберегается и служит для производства и для распределения богатства»; труд непроизводительный поглощает доход с этого капитала и производит приятные и полезные вещи нематериального свойства. Так как один труд содержится за счет другого, то благосостояние народа зависит от правильного соотношения между ними; непроизводительный труд не должен получать слишком большой доли национального богатства, чтобы не помешать накоплению капиталов. Страна, большая часть населения которой состоит из солдат, прислуги и чиновников, богатой быть не может. Прежде чем следовать дальше за Мальтусом, мне кажется необходимым сде-

лать здесь несколько замечаний по поводу вышеизложенного. Вопрос о том или ином понимании слова «богатство» не может считаться оставленным и в современной политической экономии. Если узкий взгляд физиократов не встречает уже больше поддержки, зато широкое определение Сэя с известными ограничениями принимается некоторыми из современных экономистов. Ввиду того, что к их числу принадлежат даже такие авторитетные люди, как Адольф Вагнер, бесполезно будет подчеркнуть в высшей степени трезвый взгляд Мальтуса на богатство как на сумму одних материальных предметов. Что же касается мальтусова определения капитала, то его надо признать вполне устарелым и слишком неточным даже для своего времени.

Из всех экономических понятий в действительной жизни мы всего чаще встречаемся с *ценою*. Цена есть денежное выражение меновой ценности предмета, а меновая ценность, говоря словами Мальтуса, представляет собой «отношение одного предмета к другому или к нескольким другим, способным быть обмененными». Отношение это определяется спросом и предложением. Колебаниями в спросе и предложении объясняются *все* изменения, происходящие в ценах товаров; других причин, влияющих на эти изменения, по мнению Мальтуса, не существует. Таким образом, издержки производства при определении цены товаров играют лишь второстепенную роль.

Мальтусу хочется доказать, что труд, употребленный на

производство данного предмета, не может служить мерилom его ценности; по его мнению, мерилom является то количество труда, которое можно купить данным предметом. Это как раз обратное тому, что утверждает Рикардо в своих «Началах политической экономии». Первое основное положение этой книги гласит: «Ценность предмета или количество всякого другого предмета, за которое он обменивается, зависит от сравнительного количества труда, необходимого на его производство, а не от большего или меньшего вознаграждения, получаемого за этот труд».

Если бы вся современная политическая экономия не доказала полной справедливости рассуждений Рикардо, одной полемики его с Мальтусом было бы достаточно, чтоб усомниться в правоте последнего. Но трудовая теория ценности, развитая и обоснованная Марксом, получила теперь всеобщее признание, и взгляды Мальтуса в этой области можно считать окончательно сданными в архив.

Ошибочная отправная точка зрения в вопросе о ценности заставила Мальтуса неверно подойти и к исследованию издержек производства, но она нисколько не помешала ему в анализе отдельных составных частей этих издержек установить несколько правильных, впоследствии вполне подтвердившихся положений. К вопросу об издержках он переходит следующим, вполне искусственным образом: «Хотя в момент обмена двух предметов на эту сделку не оказывает влияния никакое другое обстоятельство, кроме отношения

спроса к предложению, тем не менее, так как все предметы наших желаний получаются усилиями человека, понятно, что снабжение ими обусловлено, во-первых, суммой, ловкостью и направлением этих усилий, во-вторых, – поддержкой, которую можно извлечь из продуктов предшествующего труда, и, в третьих, – избытком или скудостью сырых материалов и необходимого пропитания для рабочих». Таковы, по мнению Мальтуса, три основные категории издержек производства, необходимые для правильного удовлетворения существующего спроса, по общепринятому взгляду же являющиеся просто главными факторами в образовании цены товаров. На экономическом языке категории эти именуются *заработной платой, прибылью и рентой*.

Анализ ренты, ее особенностей и причин составляет главную заслугу Мальтуса в теории политической экономии, а потому мы с него и начнем. Теория ренты связывается обыкновенно с именем Рикардо, который между тем в предисловии к своей книге сам отклоняет от себя эту честь и заявляет прямо: «В 1815 году Мальтус в своем „Исследовании о природе и возрастании ренты“ и Уэст в „Опыте о приложении капитала к земледелию“ представили миру почти в одно и то же время истинное учение о ренте». Конечно, заслуга Рикардо, разработавшего это учение с такой простотой и наглядностью, что оно сделалось с тех пор самым лучшим достоянием экономической науки, заслуга немалая, но для историка, интересующегося преемственностью идей, более раннее

исследование Мальтуса должно представить и больший интерес. Для понимания же научных заслуг и экономических взглядов Мальтуса исследование это имеет особенную важность.

В то время как Адам Смит главной причиной ренты считал монопольный характер поземельной собственности, Мальтус решительно отрицает такую тесную связь между рентой и монополией. Искусственные меры правительства и монополия землевладельцев сыграли действительно свою роль в истории ренты, ускорив ее возрастание, но сам факт существования ренты имеет более глубокую причину, коренящуюся в различном плодородии отдельных земельных участков. Цена продуктов земледелия определяется расходами по их добыванию на наименее плодородных участках, которые потому дают своим собственникам минимальную выгоду, не превышающую среднего дохода с капитала в данной стране и в данное время. Естественные выгоды большего плодородия всех остальных участков и доставляют то, что под названием ренты землевладелец кладет себе в карман. Поэтому, если приложенный к земле низшего качества капитал дает 30 на 100, в других же случаях 40 и 50 на 100, то ренту будут составлять именно эти излишки, равные 10 и 20. Дело несколько не изменится от того, что землей будет обладать большее или меньшее количество лиц; если даже земля станет общей собственностью, – и тогда рента все-таки не исчезнет.

Главная, основная причина ренты, по Мальтусу, лежит в особенном свойстве земли доставлять земледельцу больше продуктов, чем нужно ему для собственного потребления. Это-то свойство и позволяет землевладельцу получать ренту с земли, которую обрабатывает арендатор. Вторая причина заключается в том, что продукты первой необходимости всегда находят сбыт, даже при особенном изобилии, потому что они сами себе создают спрос, давая толчок к возрастанию населения. В тех исключительных случаях, когда, как это бывает в новых колониях, рост населения не поспевает за массой добываемых продуктов и они остаются не потребленными, – не бывает и ренты. Последняя причина ренты лежит в сравнительной редкости плодородных участков; свою роль играет здесь, несомненно, и монополия.

Теория ренты Мальтуса с некоторыми поправками, внесенными Рикардо, в ее существенных чертах должна считаться правильной и в настоящее время.

Не меньшей оригинальностью, но зато меньшей основательностью отличаются взгляды Мальтуса на прибыль и заработную плату. Прибыль он определяет как «разницу между ценностью необходимых для производства предмета затрат и ценностью произведенного предмета». Высота прибыли зависит от тех причин, которые влияют на величину этой разницы. В земледелии главной из таких причин является плодородие почвы или количество получаемых от земли продуктов. Но с ростом населения и с увеличением конку-

ренции капиталов люди принуждены обращаться все к худшим и худшим земельным участкам. Рента безостановочно растет, а та часть продуктов, которая идет на удовлетворение капиталистов с рабочими, все падает. При этом потребности рабочих, а следовательно, и заработная *плата*, имеют свой минимум, ниже которого они не могут упасть, но так как доля рабочих и капиталистов, не останавливаясь, продолжает уменьшаться, – это отражается уже на прибыли, которая и подвергается усиленному сокращению. До сих пор Мальтус рассуждает в полном согласии с Рикардо, забывая только прибавить, как это делает последний, что введение новых машин и улучшение техники, сокращая издержки производства, задерживают падение прибыли.

Но, продолжает свои рассуждения Мальтус, возвышение ренты не составляет единственной причины, влияющей на величину прибыли. Последнее зависит также от ценности производимых товаров: если под влиянием большего предложения цена продуктов падает, падает и величина прибыли, если же, наоборот, вследствие уменьшившегося предложения цена растет, растет и прибыль. Все эти колебания, по мнению Мальтуса, порождаются в сущности конкуренцией капиталов; большее или меньшее изобилие их определяет ту долю, за которую собственник капитала соглашается обращать его в производство. Влияние конкуренции капиталов на размер прибыли в глазах Мальтуса так велико, что оно может даже парализовать действие первой причины, – воз-

растания ренты.

Рассуждая таким образом, Мальтус исходит из своего основного положения, что цены товаров определяются спросом и предложением. Но вот именно это-то положение, как мы видели выше, и не может быть признано правильным. Естественной заработной платой Мальтус называет ту, которая «необходима при данном состоянии общества, чтобы всегда было достаточное для удовлетворения существующего спроса количество рабочих». Ту же мысль Рикардо выразил следующим образом: «Естественная цена труда есть та, которая необходима для доставления рабочим средств к существованию и к продолжению своего рода как без возрастания, так и без уменьшения». Под влиянием спроса и предложения рыночная цена труда может несколько уклоняться от естественной, но она всегда соотносится с ней, то есть держится приблизительно на уровне необходимых потребностей рабочего. Потребности эти, однако, в различных странах и в разные эпохи отнюдь не одинаковы. Рикардо и Мальтус согласны в том, что низкий уровень их нежелателен. «Друзья человечества должны желать, – говорит первый, – чтобы рабочие классы повсюду имели потребность в удобствах и в наслаждениях, и чтобы они были поощряемы к доставлению их себе всеми законами и средствами». Мальтус выражается на этот счет еще решительнее: «Если бы страна не имела другого средства для обогащения, кроме сокращения заработной платы, мне бы пришлось воскликнуть:

„Пусть лучше погибнут такие богатства!“» Он выражает обратное положение, чтобы существующая заработная плата, крайне недостаточная, по его мнению, повысилась; такое повышение, как ему кажется, не послужит к ущербу капиталистов.

Положение, при котором только необходимейшие потребности получают удовлетворение, не может быть названо особенно идеальным. Как же можно улучшить судьбу рабочих? Единственное средство – это разъяснять им их положение и благоприятствовать распространению среди них привычки к предусмотрительности. «С такой привычкой, – говорит Мальтус, – этот многочисленный класс мог бы быть *почти так же счастлив*, как два другие» (капиталистов и землевладельцев). Что же касается вмешательства государства в сферу экономических отношений ради улучшения судьбы рабочих, то этого Мальтус совершенно не одобряет. Вообще, практические пожелания Мальтуса не отличаются в этом случае прогрессивным характером (исключением может служить лишь его сочувствие к законодательной охране детского и женского труда), потому что они всегда сталкиваются с его непоколебимой верой в незыблемость существующего порядка. Нельзя того же сказать о политических взглядах Мальтуса, как это видно из следующего рассуждения. «Из всех причин, содействующих распространению среди народных масс привычек предусмотрительности, – читаем мы в его „Политической экономии“, – самой существенной

является, без сомнения, гражданская свобода. Невозможно, чтобы народ составлял планы на будущее, если он не уверен, что его похвальные и честные усилия достигнут цели и что приобретаемая им собственность будет за ним обеспечена справедливыми, внушающими всем уважение и применяемыми без всякого пристрастия законами. Но опыт показал, что без свободы политической не может быть прочной и свобода гражданская. Поэтому политическая свобода оказывается почти столь же необходимой».

Чтобы закончить обозрение главных пунктов экономического мировоззрения Мальтуса, нам остается упомянуть, что его надо считать отцом учения о фонде заработной платы, этой столь популярной в свое время и совершенно отвергнутой ныне теоремы. Сущность ее состоит в том, что в каждой стране будто бы существует определенный капитал, который служит для содержания и вознаграждения рабочих и который не может быть произвольно уменьшаем или увеличиваем. Намеки на эту теорию встречаются уже у Адама Смита, не видевшего, однако, в суммах, якобы предназначенных для вознаграждения рабочих, ничего неизменного, нерастяжимого. Мальтус же говорит прямо, что «фонд, служащий для содержания труда, не увеличивается неизбежно с ростом богатств и очень редко возрастает пропорционально последним».

Если из предшествующих страниц читатель узнал больше о заблуждениях Мальтуса, чем о выдвинутых им исти-

нах, пусть не объясняет он этого тем, что таких истин слишком мало в «Основах политической экономии» или что мы их не захотели увидеть. Напротив, мы подчеркнули трезвый взгляд автора «Политической экономии» на сущность богатства, мы изложили его учение о ренте, которое считаем весьма важным вкладом в экономическую науку. Если затем мы останавливались также на заблуждениях и слабых сторонах Мальтуса, то к этому нас обязывал сам характер его заблуждений – таких, например, как учение о фонде заработной платы, «железный закон» заработной платы¹ и других – и их крупная роль в истории политической экономии. Ошибки великих людей имеют особое свойство быть иногда не менее поучительными, чем многие истины.

¹ «Железным законом» заработной платы со времени Лассаля, воспринявшего в этом случае взгляды Рикардо и Мальтуса, называют учение, согласно которому заработная плата имеет тенденцию держаться на уровне необходимых потребностей рабочих. В сочинениях Мальтуса учение это было впервые сформулировано и обосновано.

Глава III

Вопрос о народонаселении в древности: древнейшие законодательства, Спарта, Атика, Рим, учения Платона и Аристотеля. – Христианство. – Народонаселение в XVI–XVIII вв., реформация, меркантилизм, взгляды писателей XVII–XVIII вв. – Переворот, произведенный Мальтусом. – Основные теоретические положения «Опыта о народонаселении»

Чтобы вполне понять как ту научную важность, которую имеет «Опыт о народонаселении», так и то непосредственное впечатление, которое Мальтус произвел своей книгой на современников, нам нужно обратиться сначала к истории различных взглядов на народонаселение, господствовавших в прежние времена. Пересмотрев, хотя бы вкратце, соответствующие учения писателей древности, средних веков и просветительной эпохи, мы ясно представим себе, что нового по данному вопросу внес «Опыт о народонаселении», а также почему этому сочинению посчастливилось привлечь к себе всеобщее внимание и получить такую громкую известность. Мы начнем с самой глубокой древности, насколько нам это позволяют скудные сведения, сообщаемые древними авторами.

В описаниях путешественников и этнографов часто приходится читать о той исключительной плодовитости, кото-

рой будто бы отличаются низшие расы. Обширные семьи ди-
карей охотно противопоставляются при этом современной,
цивилизованной семье, не заключающей в себе обыкновенно
более четырех-пяти членов. Хотя весьма быстрое размноже-
ние некультурных народов наблюдалось действительно неод-
нократно, тем не менее в той общей форме, в какой выска-
зывается это наблюдение, оно не может считаться фактом,
столь прочно установленным, как другой факт – значитель-
ная смертность среди тех же некультурных племен. Близко
стоя к природе и находясь от нее в особенно сильной зависи-
мости, дикие племена немало страдают от всяких стихийных
бедствий, непогоды, засухи, неурожая; им достается труднее
нашего победа над дикими зверями, а особенно много крови
и сил тратится ими в борьбе друг с другом из-за обладания
скотом или пастбищем. Та убыль в их рядах, которая при-
чиняется повальными болезнями, особенно губительными
среди дикарей, борьбой с природой и неустанными между-
усобными войнами, должна пополняться естественным при-
ростом населения. Что бы нам ни говорили о быстроте этого
роста, но, видно, убыль народонаселения бывала так вели-
ка, что путем естественного размножения она восполнялась
чересчур медленно, потому что законодательства, религия и
обычаи древности находят нужным всячески покровитель-
ствовать и содействовать возможно большему размножению
народонаселения.

Таким образом, в Персии, как передает Геродот, цари на-

значали особые денежные награды тем из своих подданных, которые имели больше детей. В Иудее считалось позорным не иметь потомства, и потому от участия в управлении отстранялись евнухи и люди бездетные. Индийский закон не допускал к свидетельству на суде женатого, но бездетного человека.

Китайцы с особенным уважением относились к тем, кто имел большое потомство, видя в последнем благословение Божие. Такого рода взгляд был свойственен не им одним, но многим патриархальным народам. В Греции и в Риме мы встречаемся также с особенным покровительством браку и размножению. Некоторые исследователи (подобно Фюстель-де-Куланжу) объясняют его религиозными причинами и семейным культом умерших, требующим непрерывного продолжения рода; большинство же ученых склоняется к тому, чтобы видеть в этом покровительстве проявление государственной заботливости и верховенства древнего государства над личностью и семьей.

Действительно, знакомясь с законодательством Спарты, убеждаешься в том, что интересы семьи представлены им очень плохо, зато суверенитет государства, иногда даже в ущерб семейной автономии, выдвинут с поразительной резкостью. Семья рассматривается законами Ликурга не как воспитательница молодого поколения и не как самодовлеющая единица, но как официальное учреждение в общем интересе, имеющее целью снабжать государство достаточным

количеством здоровых и сильных граждан. Сообразно такому взгляду закон предписывает каждому спартанцу в определенном возрасте вступать в *определенный* брак; правительство могло преследовать граждан за нарушение этого постановления и привлекать к суду как за чересчур поздний, так и за дурной, не соответствующий видам государства брак. Так как при этом спартанские женщины не отличались плодотворностью и семьи в Спарте были обыкновенно немногочисленны, существовал, по словам Аристотеля, обычай награждать деньгами отцов, имевших по три-четыре взрослых сына.

В Афинах, где личность свободных граждан менее подавлялась государственной опекой, нежели в Спарте, где и семья, видимо, пользовалась большей степенью независимости, законы о браке отличались сравнительной мягкостью. Тем не менее, и здесь государство всегда могло принудить любого гражданина ко вступлению в супружество и действительно иногда оказывало такое давление – преимущественно на девушек, когда они являлись единственными продолжательницами рода. Страх уменьшения народонаселения сказывается во всей Греции, и, вероятно, не без основания. Недаром жалуется Плутарх: «Оракулы замолкли; местности, где они вещали, опустели; во всей Греции едва ли наберется 3 тысячи человек, способных носить оружие». Недаром говорит и Страбон: «Я не стану описывать Эпира и смежных с ним местностей, потому что они обратились в пустыню. Обезлюдение, начавшееся уже с давних пор, с каждым днем

подвигается дальше, так что римские солдаты располагаются на постой в пустых домах».

Суверенитет (верховенство) государства даже в чисто семейных и личных делах был в Риме так же силен, как и в Греции. Поэтому и здесь вопрос о браке почитается вопросом общественным и разрешается свыше. Одна из обязанностей цензоров состояла в том, чтобы содействовать размножению населения; с этой целью они всеми средствами побуждали молодых людей к браку, а старых холостяков наказывали увеличением налогов. Покровительству размножения нисколько не противоречит известный факт умерщвления больных и слабых детей: практиковалось это исключительно в видах улучшения расы и опять же в интересах государства. Особенно решительные меры понуждения принимаются после 164 года до Р. Х., когда, с одной стороны, обнаруживается убыль населения, с другой – среди римлян начинает проявляться отвращение к браку. После нескольких соответственных постановлений римских цензоров Цезарь издает закон, которым право на получение земли в Кампании предоставляется лишь отцам трех или более детей. Всего решительнее на этот путь законодательного побуждения к браку вступает Август, что объясняется особенно сильным нерасположением его современников и соотечественников к семейной жизни и проистекающим отсюда уменьшением числа свободных граждан. Здесь не место подробно излагать изданные Августом законы; достаточно будет заметить,

к чему они сводились: из всех кандидатов на общественные должности предпочтение давалось отныне тем, кто имел больше детей; бездетные граждане не получали наследств, оставленных по завещанию; овдовевшие супруги обязывались вступать в новый брак; обрученные лишались права откладывать свадьбу дольше двух лет и тому подобное.

Все эти строгие меры, принятые в целях увеличения народонаселения, не имели, однако, желаемого действия: свободное римское население не только не росло, но по временам даже уменьшалось, и это происходило по двум причинам: непрерывные войны сокращали численность населения непосредственно, а рабство, столь мало благоприятное развитию народонаселения во всех направлениях, подтачивало и разрушало римское общество косвенным образом. Справедливо поэтому замечание Мальтуса: «Если бы из страны удалили половину рабов и римский народ вследствие этого мог бы приложить свои силы к искусствам и земледелию, число граждан быстро возросло бы и такого рода поощрение оказалось бы действительнее для роста народонаселения, чем все законодательные меры».

Тогдашняя действительность, как это всегда бывает, нашла свое отражение и в современных ей учениях: взгляды Платона и Аристотеля по вопросу о народонаселении представляют собою не что иное, как возведение в принцип несколько облагороженной народонаселенческой политики греческого государства. В том идеальном строе, о ко-

тором мечтал Платон, брак строго регламентирован: верховная власть назначает, кто с кем должен вступать в супружество, и какое именно число браков должно быть заключаемо в данном году. Только здоровым детям государство позволяет продолжать свое существование, остальные же покидаются в пустынных местах и обрекаются на смерть. В этом Платон видит отличное средство не только для улучшения расы, но и против возможного избытка населения. Хотя Аристотель, в противоположность Платону, подчеркивает внутренний смысл семейной жизни и пишет даже нечто вроде дифирамба семье, на которую смотрит не только с государственной, но и с моральной точки зрения, тем не менее и он высказывает пожелание, чтобы государство не оставляло без своего вмешательства брачные отношения граждан. Он предлагает установить законодательным путем нормальный возраст для вступления в брак, перейдя который и состоящие уже в браке супруги должны расходиться; он предлагает даже, чтобы государство играло в некотором роде роль свахи, отыскивая и намечая невестам женихов, и наоборот. Словом, отеческая *опека государства*, вмешивающаяся в общественном интересе даже в интимные дела граждан, опека, составляющая отличительную черту всей классической древности, находит себе полное оправдание и даже дальнейшее развитие в сочинениях Аристотеля и Платона.

Со вступлением на арену общественной жизни христианства во взглядах на семью, на брак и на роль государства в

вопросе о народонаселении происходит полный переворот. Брак объявляется отныне делом личным, не подлежащим государственной регламентации; вступление в супружеский союз признается вопросом совести, причем прежнему одобрению семейного начала противопоставляется ныне идеал аскетического обуздания плоти; что же касается роста народонаселения, то, по взглядам христианских теологов, оно регулируется не человеческими, а божескими законами. Государственная точка зрения сменяется религиозной, искусственное покровительство увеличению народонаселения – полнейшим невмешательством в эту область. Между тем, параллельно с распространением христианства идет своим чередом обезлюдение Италии, завещанное ей древним миром.

Если прежние средства борьбы с этим злом оказались, как мы только что видели, неудовлетворительными, то распространившийся теперь индифферентизм еще менее, разумеется, мог остановить надвигавшееся бедствие. Недостаток населения чувствовался повсюду: от него страдало земледелие, от него границы государства оказывались беззащитными при натиске варваров. Государство погибало, а граждане шли спасать свою душу в монастыри (в Египте, по расчету Руфима, число монахов равнялось числу всех остальных граждан).

Эпоха возрождения и реформации – эпоха протеста по преимуществу, а в вопросе, нас интересующем, знаменует собою реакцию против аскетических строгостей первобыт-

ного христианства. В то время как церковные реформаторы, и во главе их Лютер, восстают против идеала безбрачия, прямо противоречащего, по их мнению, категорической заповеди Бога «плодитесь и множьтесь» и вредно отражающегося на нравах, в обществе, между тем, под влиянием реставрации древней, языческой литературы и памятников древнего искусства замечается особенно сильное стремление освободиться от ига монастырской морали, заменить умерщвление плоти открытой ее реабилитацией. Такой поворот в общественном мнении подготовил собою известное направление позднейшей государственной политики. Но главной причиной и этого поворота в общественном мнении, и изменения государственной политики в более благоприятную для народонаселения сторону были, разумеется, факты действительной жизни: чрезвычайная смертность и слабый рост населения, характеризующие собой эпоху средних веков. Повальные болезни, негигиеничность всего строя жизни и кровопролитные войны значительно обезлюднили с течением времени многие прежде цветущие страны Европы. Из чувства самосохранения, из чувства страха перед будущим и перед соседями общество и государство на заре нового времени вдруг отшатнулись от строгой, аскетической морали и проявили склонность впасть в противоположную крайность, лишь бы избавиться от действительно страшного бедствия – обезлюдения всей Европы.

Когда промышленная дезорганизация, составляющая от-

личительную черту первой половины средних веков, должна была уступить свое место сначала цеховому устройству, а потом постепенно более крупной форме промышленности, и когда параллельная ей политическая разобщенность, вследствие феодальной системы, сменилась централизованным государством, – вопрос о народонаселении успел уже совершенно освободиться от нравственно-религиозной цензуры. Он снова, как в классическом мире, стал рассматриваться с общественно-государственной точки зрения, и то разрешение, которое он теперь получил, свидетельствует об особенной важности, придававшейся ему государственными людьми XVII–XVIII веков. Для них вопрос о народонаселении был тесно связан с вопросом о богатстве: богатой они считали такую страну, которая имела больше драгоценных металлов, но драгоценные металлы получались главным образом благодаря внешней торговле, в обмен на произведения туземной промышленности; нужно было, значит, стремиться к возможно большему развитию отечественной промышленности, а это признавалось возможным лишь при условии увеличения числа людей, занятых производством, при условии размножения населения вообще. Практический вывод отсюда: надо всячески поощрять рост населения – вывод, получивший действительно свое осуществление в правительственных мероприятиях того времени.

Мы видели, как понимало эту задачу греческое государство: оно просто *приказывало* гражданам вступать в брак и

строго преследовало за нарушение своего приказа. Римские императоры действовали мягче: они соблазняли преимуществами и привилегиями, которыми награждали людей семейных, и пугали перспективой различных неудобств, связанных с холостым состоянием. По этому последнему пути и пошло государство XVII–XVIII веков, выработавшее целую сложную систему поощрений и кар все с той же целью – увеличения народонаселения. Примеры такого рода поощрений мы найдем в испанском указе от 1623 года и в знаменитом эдикте Людовика XIV, которыми людям, женившимся до 25 лет, а также отцам десятерых детей давались значительные льготы в платеже податей и повинностей. В Испании, кроме того, правительство стремилось побудить к браку непосредственными денежными премиями. Сюда же относится указ Фридриха Великого (1747 г.), сокращавший срок траура для вдов и вдовцов. Параллельно со вступлением в брак поощрялось, как это видно на примере эдикта Людовика XIV, и деторождение: еще в самом конце XVIII века, в 1796 году, то есть за два года до появления сочинения Мальтуса, английский парламент рассматривал предложение Питта, чтобы государство брало на себя часть издержек по воспитанию детей из особенно многолюдных семейств. Что же касается тех кар, которые, налагаясь на холостяков, должны были отрицательным образом служить той же цели, что и поощрения, то они, хотя и менее разнообразны, чем последние, но не менее часты. Во многих странах известные должности по-

ручались только людям семейным; затем безбрачие служило препятствием для поступления в цехи ремесленников – препятствием, правда, устранимым, но сопряженным с расходами; наконец имущество холостяков после их смерти поступало в некоторых местностях (например, в Брауншвейге) государству, если у покойного не оказывалось ближайших родственников.

Кроме перечисленных прямых поощрений и кар, государство XVII–XVIII веков принимало целый ряд других мер, долженствовавших косвенным образом служить также увеличению народонаселения. Из таких мер отметим здесь лишь поощрение иммиграции, затруднение выселений и снисходительное отношение к незаконным рождениям. Последнее сказалось особенно ярко в циркулярах Фридриха Великого, освободившего от церковного покаяния женщин, забеременевших вне брака, и запретившего, под страхом наказания, стыдить или упрекать их за это. Для незаконнорожденных около того же времени начинают создаваться воспитательные дома. Таким образом, в погоне за увеличением народонаселения государство решается даже вступить в известный антагонизм с церковью и как бы санкционировать, со своей стороны, то, что последней всегда строго преследовалось. И это понятно: ни одно положение государственной науки и политики не казалось в XVIII веке столь прочно установленным, как следующее: чем больше людей, тем больше ремесленников и торговцев, тем, значит, государство

богаче; чем больше людей, тем больше солдат, а следовательно, тем государство *сильнее*.

Развитием этих двух положений в XVII и затем в XVIII веке занималась вся тогдашняя государственная наука в лице ее лучших представителей. Писатели XVII века выдвинули вопрос о народонаселении и дали первое научное обоснование народонаселенческой политике государства. При своем возникновении учение это явилось реакцией против бесчеловечной политики средневековых феодалов, дороживших больше скотом, нежели подданными, и не берегших в своих бесчисленных войнах человеческой крови. Им надо было показать всю нерасчетливость их политики, весь вред кровопролитных войн и всю важность народонаселения для государства. Это и было сделано писателями XVII века.

Иное значение имело то же учение в XVIII веке, когда государства повсюду уже вступили на путь искусственного поощрения народонаселения и когда поэтому слепая поддержка науки приводила лишь к одному результату: она оставляла без всякой проверки и критики весьма одностороннюю государственную политику, заботившуюся о численности населения и упускавшую из виду его благосостояние. Главнейшими представителями такого направления государственной науки в XVIII веке были: Зюссмильх, Юсти и Зонненфельц. Писателями этими развивался не только тот взгляд, что численность населения крайне важна для государства, но еще и другой, оптимизм которого нельзя не признать до-

вольно вредным, – взгляд, что население само создает для себя пропитание и потому не нуждается ни в каких заботах о себе со стороны государства.

«Так как в стране никогда не может быть слишком много жителей, – пишет Юсти, – то нужно заботиться прежде всего о том, чтобы по возможности усиливать рост населения».

Зонненфельц мотивирует такое требование следующим образом: «Чем больше народная масса, тем сильнее может быть то сопротивление, на котором покоится внешняя безопасность, – таково основное положение *политики*; чем больше народная масса, на чье содействие можно рассчитывать, тем меньше опасности грозит изнутри, – таково основное положение *полиции* (искусства управления); чем больше людей, тем больше потребностей, тем многочисленнее в стране внутренние источники пропитания; чем больше рабочих рук, тем лучше идет земледелие, тем больше материала для обмена, – таково основное положение *науки о торговле*; чем больше граждан, тем больше получает государство на свои расходы, хотя для каждого облагаемого меньше, – таково основное положение *финансовой науки*». Особенно резко выражен был взгляд всей этой школы Теодором Шмальцем в следующих словах: «Часто писателями выражается опасение, как бы количество населения в стране не было чересчур велико, так что последняя не в состоянии была бы его прокормить. Но такое опасение глупо и неосновательно, потому что природа неисощима, потому что именно большое коли-

чество населения оживляет обмен, потому что люди живут одни другими. *Чем населеннее страна, тем она богаче*».

Таков был господствующий взгляд. Нельзя сказать, чтобы даже в XVIII веке он не находил себе никаких возражений или поправок. Уже физиократы и энциклопедисты, но все-го больше в своем «Духе законов» Монтескье, указывали на зависимость роста народонаселения от увеличения средств пропитания. Еще важнее для нас взгляды итальянца Джама-риа Ортеса (1713–1790 гг.), высказанные им в сочинении, само заглавие которого обращает на себя особенное внимание: «Размышления о народонаселении в его отношении к национальной экономии». По его мнению, численность населения определяется плодородием почвы. По вопросу о росте населения он высказывает, предупреждая Мальтуса, то мнение, что оно совершается в геометрической прогрессии. Среди животных существует стремление к такому быстрому размножению, но природа задерживает его «силой», у людей сдерживающим началом является «разум» – ragione. Поэтому в известных случаях безбрачие столь же необходимо, как и брак. Часть мальтусова учения тут уже ясно сформулирована.

На английской почве исследователи указывают и более ранних предшественников Мальтуса, чем Ортес. Чтобы не удлинять нашего исторического очерка, мы ответим только на вопрос: в каком отношении находятся эти труды к «Опыту о народонаселении»? Сам Мальтус в предисловии

ко второму изданию своей книги рассказывает – и это вполне подтверждается сличением обоих изданий, – что названные сочинения попались ему в руки только тогда, когда он захотел лучше обосновать и разработать высказанный им в первом издании «Опыта...» взгляд на причины и следствия возрастания народонаселения. К основным положениям своего «Опыта...» он пришел совершенно самостоятельно. Подготавливая к печати второе издание и стараясь подкрепить свои мнения авторитетом других писателей, Мальтус тут только убеждается, что «по этому вопросу сделано было гораздо больше, чем он предполагал». Сочинения Монтескье, Франклина и других доставляют ему материал, подтверждающий его первые обобщения, и Мальтус вводит его в свою книгу, увеличивающуюся благодаря этому больше, чем вдвое.

Отсюда можно убедиться, как неосновательно мнение тех из критиков Мальтуса, которые видят в нем простого компилятора.

Действительно, в буквальном смысле не Мальтусом открыт был так называемый закон народонаселения, не ему принадлежит также первая мысль о геометрической прогрессии. Мы видели, что о зависимости роста населения от количества необходимого пропитания писали до Мальтуса и в Англии, и на континенте. Но мы сказали также, что господствующим в течение всего XVIII века являлось противоположное мнение, по которому – были бы люди, а пропита-

ние для них найдется, откуда выводилось практическое требование искусственного покровительства увеличению народонаселения. Появляется книга Мальтуса – и положение дел резко меняется. Тот взгляд, который до сих пор считался почти парадоксальным и высказывался очень немногими, становится господствующим; противоположное же мнение, недавно общепринятое, почти совершенно сходит со сцены, сохраняясь лишь в небольшом числе сочинений экономистов-оптимистов. Чем же объяснить этот переворот в умах, произведенный Мальтусом? Ужели только тем, что Мальтус перенес вопрос на политическую и практическую почву? Этим можно было бы объяснить внешний успех его «Опыта...», но никоим образом не его крупную историческую роль, не то значение, которое он получил в истории науки. Нет, Мальтусу, и ему одному, обязаны мы тем учением, которое и до сих пор в своих существенных чертах, как это мы увидим ниже, не может почитаться опровергнутым. Мальтус, и никто другой, сформулировал ясно причину возрастания и сокращения народонаселения, с именем Мальтуса поэтому вполне справедливо и связывается все это учение. Но говорить так – не значит ли игнорировать упомянутых выше предшественников Мальтуса? Нисколько.

Ошибаются те, кто полагает, что научные открытия делаются случайно, благодаря счастливому сочетанию внешних обстоятельств или особенной одаренности одного человека. Ужели в самом деле закон тяготения остался бы для нас

неизвестным, если бы яблоко не упало пред глазами Ньютона? Подобный взгляд давно пора оставить, он опровергнут всей современной наукой. Научные открытия подготавливаются временем и вызываются нуждами общества. Закон тяготения должен был быть открытым, и если бы этого не сделал Ньютон, кто-нибудь другой занял бы его место. Известны случаи, когда величайшие открытия делались несколькими учеными одновременно и совершенно независимо друг от друга; напомним только об Уоллесе и Дарвине, о Родбертусе и Марксе. Не говорит ли это ясно в пользу того, что научные открытия отнюдь не случайного происхождения, что, как и все в природе, они обусловлены, закономерны и являются продуктом необходимости? В таком случае неосновательно, быть может, приписывать честь изобретений отдельным людям, и сами мы совершенно напрасно сказали выше о заслуге Мальтуса? Сделать подобный вывод – все равно, что сказать: необходимость известного факта говорит против его существования. Происхождение видов открыто Дарвином, закон тяготения установлен Ньютоном, трудовая теория ценности обоснована Марксом, учение о народонаселении сформулировано Мальтусом, – все это факты, и мы не имеем права их отвергать; напротив, мы скажем, что Дарвину, Ньютону, Марксу и Мальтусу обязаны мы этими приобретениями науки. Такое признание не обязывает нас, однако же, в некотором роде обоготворять названных исследователей и благословлять судьбу за то, что они явились, так как,

мол, в противном случае мы находились бы во тьме. Человечество получает нужные ему открытия, как кредитор свой долг по векселю. Вексельное обязательство путем бланковых надписей может переходить от одного лица к другому, должником делается то А, то Б, то В; для кредитора это безразлично – он получит свое. Так и человечество. В какой степени Мальтус был оригинален, это лучше всего покажет изложение основных принципов его системы. Сличение ее с приведенными выше соображениями предшественников Мальтуса убедит каждого непредубежденного читателя, что первая относится ко вторым, как во всех частях согласованная машина к куче неприспособленных колес и рычагов. Ограничиваясь в настоящей главе изложением только теоретических основ учения о народонаселении и отлагая до следующих глав приведенные Мальтусом доказательства и сделанные им практические выводы, мы постараемся зато в этом изложении быть как можно более точными.

«Предмет настоящего *Опыта*, – говорит Мальтус в первой главе своей книги, – составляет исследование одного явления, тесно связанного с природой человека, – явления, дававшего себя знать постоянно и могущественно с самого возникновения человеческого общества, но едва отмеченного писателями, которые занимались вопросами, имевшими ближайшее к нему отношение. Факты, обнаруживавшие наличие этого явления, неоднократно признавались и излагались, но совершенно опускались из виду их естественные и

необходимые последствия, хотя, по всей вероятности, именно среди этих последствий можно поместить значительную часть пороков и нищеты, и то неравное распределение даров природы, исправление которого составляло во все времена постоянную заботу просвещенных филантропов. Явление, о котором здесь идет речь, заключается в постоянном стремлении всех живых существ размножаться в большем количестве, чем то, для которого существуют запасы пищи».

Такая тенденция обнаруживается во всем органическом мире: растения и животные покоряются ей так же, как и человек. Но в то время, как первые размножаются бессознательно и произвольно, задерживаемые исключительно недостатком места и пищи, человек руководится разумом и останавливается в своем размножении заботой о необходимом пропитании. Когда страсти заглушают голос рассудка, а инстинкт делается сильнее предусмотрительности, – соответствие между запасами пищи и количеством населения нарушается и последнее подвергается бедствиям голода. В той или иной форме препятствия к размножению населения всегда существовали и существуют, а потому в чистом виде воспроизводительную тенденцию человека нам никогда не приходится наблюдать. Есть страны, однако, где эти препятствия не так сильны: в Северной Америке, например, необходимых средств пропитания больше, а нравы населения чище, чем в Европе, и здесь было замечено, что население удваивается менее чем в 25 лет. Следовательно, при полном отсутствии

всяких препятствий к размножению срок удвоения может быть еще короче.

Но не так легко увеличиваются запасы пищи. Земля имеет свои пределы. Когда все плодородные участки уже заняты и обрабатываются, увеличения средств пропитания можно ждать лишь от улучшения способов обработки и от технических усовершенствований. Эти улучшения, однако, не могут производиться с неослабным успехом; напротив, в то время, как народонаселение будет все увеличиваться и увеличиваться, в увеличении средств пропитания будет обнаруживаться некоторая заминка. «Возьмем в пример Англию и Шотландию, – говорит Мальтус. – В этих странах существуют еще невозделанные земли и приемы земледельческой техники внимательно изучаются». Если мы предположим, что при самых благоприятных условиях количество произведенной почвы удвоится в первые 25 лет, – мы выйдем, вероятно, за пределы возможного. Сделать такое же предположение для второй четверти века решительно невозможно: оно противоречит всему, что мы знаем о свойствах земли. «Каждому, кто хоть немного знаком с агрономией, хорошо известно, что по мере расширения обработки ежегодное возрастание средней производительности земли постепенно и правильно уменьшается». Но допустим, что количество умножившихся произведений почвы осталось то же, что, следовательно, после вторых 25 лет получилось на *столько* же больше пищи, как и после первых. Дальше, по мнению Мальтуса, са-

мое горячее воображение не может идти. Допустим, что такому возрастанию подчиняются произведения почвы всегда. Что же получится? Если население Великобритании состоит в данное время, положим, из 11 миллионов и пищи оказывается в стране ровно столько, сколько нужно для этих 11 миллионов, через 25 лет население возрастет до 22 миллионов, а вместе с ним удвоится и количество пищи, которой, следовательно, опять же будет достаточно для наличного населения. Но вот население снова удваивается и делается равным 44 миллионам, между тем как количество пищи не удваивается, но увеличивается на прежнее количество и потому его оказывается достаточным лишь на 33 миллиона. Чем дальше, тем больше становится несоответствие между наличным населением и количеством имеющейся для него пищи. Тогда наступает голод и среди населения, не находящего себе пропитания, обнаруживается усиленная смертность.

Из приведенного примера видно, что население растет в геометрической прогрессии, тогда как пища в лучшем случае – только в арифметической. Рост первого можно обозначить таким рядом цифр: 1, 2, 4, 8, 16, 32..., а рост второго – таким: 1, 2, 3, 4, 5, 6... Отсюда позволительно заключить, что для благоденствия рода человеческого, для сохранения равновесия между народонаселением и необходимыми средствами пропитания нужно, чтобы естественное размножение людей встречало всегда известные препятствия и задержки. К счастью, оно их действительно встречает. Су-

существующие препятствия Мальтус разделяет на две категории: препятствия *предупредительные* и *разрушительные*. Первые вытекают из способности людей взвешивать свои поступки и управлять своими инстинктами. Забота о пропитании удерживает многих от слишком раннего вступления в брак; такого рода воздержание Мальтус называет *нравственным* – *moral restraint*, если только оно не приводит к разврату. Подобное предупредительное препятствие Мальтус считает весьма похвальной коррективой к закону народонаселения, но, к сожалению, не настолько сильным, чтобы сделать излишним действие препятствий разрушительных. «Разрушительные препятствия, – говорит он, – весьма разнообразны; сюда относятся все явления, проистекающие из порока или страданий и сокращающие продолжительность человеческой жизни. Под эту рубрику можно подвести все вредные для здоровья занятия, тяжелый труд, влияние дурного времени года, крайнюю бедность, даваемое детям дурное пропитание, жизнь в больших городах, излишества всякого рода; затем идут вереницей повальные болезни и эпидемии, войны, чума и голод».

Хотя все перечисленные бедствия, действуя более или менее постоянно, значительно сокращают население земного шара, тем не менее повсюду замечается стремление людей размножиться быстрее, чем увеличивается количество необходимой для их существования пищи, и потому ни одна страна не может себя считать вполне гарантированной

от бедствий *перенаселения*. Однако можно сказать, что это зло само себя врачует. Когда число работников, предлагающих свои руки, превысит имеющийся на них спрос, заработная плата падет; в то же время недостаток пищи увеличит стоимость последней. Обе эти причины затруднят содержание больших семейств и станут удерживать бедных людей от вступления в брак, результатом чего явится остановка в увеличении народонаселения. В то же время необходимость больше трудиться для получения подорожавших продуктов даст толчок земледелию и увеличит количество пищи. Тогда прекратится несоответствие между количеством населения и количеством средств существования, но прекратится ненадолго: получив возможность развиваться быстрее, народонаселение рано или поздно превысит средства существования, и тогда снова почувствуется необходимость в препятствиях предупредительных и разрушительных. Таким образом, в естественном приросте народонаселения замечаются постоянно отливы и приливы, обусловливаемые количеством имеющихся средств пропитания.

Колебания эти, по мнению Мальтуса, не замечались исследователями, занимавшимися наблюдениями преимущественно над высшими классами и оставлявшими без внимания классы низшие, на которых, между тем, легче всего можно проследить влияние материальных условий. Дальше Мальтус жалуется на несовершенство науки, на неразработанность статистики, не дающей полных ответов на вопро-

сы об отношении числа браков к числу способных к браку людей, о разнице в смертности между богатыми и бедными, о колебаниях заработной платы, об изменениях в благосостоянии народа, о точном количестве умерших, родившихся и вступивших в брак. «Правдивая история человечества, способная ответить и на такие частные вопросы, выяснила бы, как действуют на население постоянные препятствия, и, вероятно, доказала бы существование отмеченных выше регрессивных и прогрессивных движений».

В качестве выводов из первых двух глав своего «Опыта...» Мальтус устанавливает три следующих основных положения, которые мы можем считать краеугольными камнями всего его учения:

1. Народонаселение строго ограничено средствами существования.
2. Народонаселение всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существования, если только оно не будет остановлено какой-нибудь могущественной встречной причиной.
3. Все препятствия, которые, ограничивая силу размножения, держат население на уровне средств существования, сводятся в конце концов к нравственному воздержанию, пороку и несчастьям.

Вот те три главных тезиса, которыми Мальтус сам резюмирует свое учение. Если мы их сравним с основными положениями господствовавшей в XVIII веке доктрины, то сразу

же увидим всю резкость переворота, произведенного Мальтусом в положении вопроса о народонаселении. Побольше людей, а средства пропитания найдутся, – говорили до Мальтуса; побольше средств пропитания, а люди явятся, – сказал Мальтус и за ним то же стали повторять почти все ученые XIX столетия. Из таких столь различных теоретических положений вытекает и разное отношение к государственной политике: пусть государство поощряет народонаселение, – требовали в XVIII веке; все этого рода поощрения бесполезны и даже вредны, – скажет нам Мальтус. Таким образом, вопрос о народонаселении изымается Мальтусом из сферы государственного воздействия, из сферы политики и делается впервые объектом строго научного исследования. Рост народонаселения перестает быть чем-то более или менее случайным, подверженным всем превратностям политической жизни; он признается отныне явлением закономерным и находящимся в строгой зависимости от природы и материальных условий. Исследование причин заступает место бесплодных экспериментов над неизбежными следствиями. Наука вступает в свои права, и в книге Мальтуса уже чувствуется веяние XIX века...

Неудивительно, что в мире профессиональных ученых и государственных людей новая смелая доктрина произвела сначала впечатление динамитного взрыва, а для всего общества явилась как бы откровением по такому вопросу, о котором простым языком и в совершенно доступной форме еще

никто не говорил с непосвященными. Но учение Мальтуса вышло из его головы не в качестве хорошо вооруженной богини; в первом издании его «Опыт...» был бойким теоретическим памфлетом, весьма плохо обставленным с фактической стороны и вполне заслуживавшим упрека в поверхностности. Успех первого издания побудил Мальтуса заняться глубже вопросом о народонаселении, и тогда появилась книга, которую мы будем иметь в виду в дальнейшем изложении, знакомя читателей с доказательствами, приведенными Мальтусом в подтверждение своих мнений, и с выводами, сделанными им из его основных положений.

Глава IV

Что составляет сущность мальтусова учения? – Доказательства этой «сущности» и бездоказательность прогрессий. – Исторический очерк развития населения в различных странах. – Прогресс заключается в преобладании предупредительных препятствий. – Рост населения в Америке. – Абстрактность геометрической прогрессии. – Различные влияния, испытываемые ростом населения.

В одном из примечаний ко второму изданию своего «Опыта...» Мальтус говорит, что один из выставленных им законов – «необходимые для людей средства пропитания растут в арифметической прогрессии» – стал для него очевидным, а потому и не требующим доказательств, лишь только был им сформулирован; другой же – «род человеческий размножается в геометрической прогрессии» – выведен из наблюдения над ростом населения в Америке. При такой постановке дела к чему же сводятся доказательства Мальтуса? Во-первых, к указанию на писателей, высказывавших однородные с ним взгляды, и, во-вторых, к анализу данных, добытых путем переписей. О предшественниках Мальтуса мы говорили выше и здесь не будем к ним возвращаться, потому что для нашей настоящей цели это не даст ничего: степень популярности известной мысли ничего не говорит ни за, ни против ее основательности. То, в сущности, весьма немно-

гое, что сообщается Мальтусом о росте населения в Америке, мы, разумеется, изложим в своем месте с подробностью, подобающей этому главному доказательству одного из двух мальтусовых «законов». Но раньше нам кажется более удобным заняться тем, что составляет главное содержание «Опыта...». Что же это такое?

Сам Мальтус говорит, что его книга посвящена исследованию «влияния на человеческое общество» двух только что названных законов. Если бы это было действительно так, если бы «Опыт о народонаселении» посвящен был только изучению влияния двух произвольно сформулированных и совершенно не доказанных законов, каковыми являются, в сущности, столь дорогие для самого Мальтуса, а ныне вполне отвергнутые наукой прогрессии, – значение его было бы ничтожно, и не только нам не пришлось бы писать нашей книжки, но излишней была бы и вся громадная литература о Мальтусе. Так и взглянули на дело некоторые из его старых критиков. Но едва ли позволительно в настоящее время сводить все учение Мальтуса к этим пресловутым прогрессиям. Ведь, в сущности, этого не делал и сам Мальтус. Пусть читатель припомнит те три приведенных выше конечных вывода, которыми автор «Опыта о народонаселении» сам резюмирует свое учение. Вот они: 1) население ограничивается средствами существования, 2) народонаселение увеличивается, когда увеличиваются средства существования, и 3) препятствия, задерживающие размножение и таким образом

поддерживающие соответствие между средствами пропитания и населением, сводятся к нравственному воздержанию, пороку и несчастью. Ни в одной из трех формул не говорится о прогрессиях, а между тем в них именно, в этих трех формулах, – вся сущность учения Мальтуса, сущность, которая, как это мы постараемся доказать ниже, с известными поправками и дополнениями должна быть признана истиной и в настоящее время, когда от прогрессий, можно сказать, не осталось уже почти ничего. Доказательству этой-то истины и посвящена вся книга Мальтуса. После таких разъяснений читатель не удивится, что мы обратимся сначала не к примеру Америки, этому единственному и притом мнимому доказательству пресловутой геометрической прогрессии, а к тому, что должно служить, хотя, быть может, в достаточной степени и не служит, доказательством трех только что приведенных основных положений всего учения.

Население всегда находится на уровне наличных средств существования; нравственное воздержание, порок и разного рода бедствия удерживают его на этом уровне; с увеличением средств существования увеличивается и народонаселение. Таковы три основных обобщения, которые, по мнению Мальтуса, позволяет сделать история всего человечества. Обратимся сначала к народам, находящимся на первой стадии развития общественности.

В противоположность тому, что охотно писалось в XVIII веке, «естественное состояние», в котором находились и

ныне находятся дикари, оказывается далеко не завидным. Пользуясь сочинениями лучших историков и наиболее авторитетных путешественников, Мальтус рисует нам печальную картину этого естественного состояния. Уже один внешний вид дикарей свидетельствует часто о том, как тяжело им приходится; так, например, туземцы Ван-Диеновой земли и Андаманских островов не превышают ростом 5 футов, имеют отвислый живот, высоко поднятые плечи, огромную голову, конечности тонкие и слабые. «Внешний вид их свидетельствует о степени их развития и о самой ужасной смеси жестокости и бедствования. Многих из них путешественники находили на берегу в страшных муках голода и в последней стадии самого жалкого существования». Большинство этих племен размножились в такой степени, что они чувствуют сильнейший недостаток в пище. Чтобы утолить голод, дикари прибегают ко всем родам пищи и ко всяческим суррогатам ее. Так, например, про жителей Флориды один испанский путешественник рассказывает, что они питаются корнями некоторых растений, а иногда вынуждены прибегать к паукам, к муравьиным яйцам, к червям, ящерицам, змеям, порой даже к особому сорту жирной глины. Они откладывают и сохраняют кости, толкут их и тоже употребляют в пищу. Рассказывающий это путешественник прибавляет: «Я уверен, что если бы их земля изобиловала камнями, то они глотали бы и их».

Когда запасы пищи и всех суррогатов ее окончательно ис-

тощаются, наступают голод, болезни, – и не находящее себе пропитания население вымирает. Ограниченность продовольствия и постоянная близость той крайней границы, за которой уже обнаруживается избыток населения, приводят к тому, что среди дикарей особенно сильно проявляют свои действия всякого рода препятствия естественному росту населения, – препятствия как разрушительные, так и предупредительные. В числе первых самым главным являются войны, имеющие среди дикарей особенно истребительный характер. Последние сражаются, по словам Мальтуса, «не для одержания победы, а для уничтожения неприятеля». Ирокезы выражают это словами, составляющими у них обычную форму призыва к войне: «Пойдем, съедим это племя!» Людоедство в буквальном смысле составляет естественное продолжение подобных войн, хотя, быть может, оговаривается Мальтус, оно встречается в действительности и реже, чем об этом принято думать со слов миссионеров.

Что войны порождаются не чем иным как чисто экономическими причинами, – это кажется Мальтусу несомненным. Живя преимущественно охотой, дикари вынуждены обращаться к истреблению друг друга, как только количество совместно ими истребляемой дичи заметно сокращается. Войны, в свою очередь, порождают чисто военную нравственность. «Напасть на неприятеля с равными силами считается делом безумным. Погибель в битве признается бесславием, позорящим репутацию воина, ибо она подвергает

его упреку в торопливости и неосмотрительности. Зато терпеливо выжидать свою жертву, выбрать минуту, когда она считает себя в безопасности или не может оказать сопротивления, броситься на нее под защитой темной ночи, поджечь жилище врага, избить его безоружных и беззащитных обитателей, – вот славные подвиги, о которых каждое племя сохраняет благодарное воспоминание».

После истребления на войне главным разрушительным препятствием к размножению дикарей является естественная смертность, если тут только можно говорить о чем-нибудь «естественном». По мнению некоторых исследователей, продолжительность жизни вообще гораздо короче у дикарей, чем у цивилизованных народов; повальные болезни, в особенности чума, всего чаще свирепствуют среди первых. Усиленная смертность среди дикарей объясняется тяжелой борьбой за добывание пищи, плохим питанием, плохими жилищами, нечистоплотностью дикарей и теми излишествами, которые они себе позволяют в редкие минуты благополучия.

Несмотря на столь широкое действие препятствий разрушительных, предупредительные препятствия среди дикарей оказывают тоже известное влияние на замедление в природе населения. Несмотря на то, что сила племени зависит от его численности, и тому прямой расчет заставляет всячески содействовать размножению, тем не менее весь образ жизни, все обычаи дикарей имеют прямо противоположное действие. Упомянем о многоженстве, распростра-

ненном среди некоторых племен и обрекающем известное количество мужчин, за недостатком женщин, на неизбежное безбрачие, об обычае продолжительного кормления грудью, препятствующем женщинам иметь детей очень часто, о подавленности женщин и дурном обращении с ними, сокращающем их способность к производству детей, наконец, о практикующемся среди многих племен умерщвлении младенцев, в особенности женского пола. В местностях, изобилующих пищей и потому допускающих большее размножение, указанные обычаи заменяются прямо противоположными. Так, например, в то время как на острове Формозе не позволяется, чтобы женщина была матерью до тридцатипятилетнего возраста, в некоторых местностях Азии обычай предписывает девушкам вступать в брак не позже 19 лет. Отсюда видно, что некоторые нравственные убеждения народа имеют своим прямым источником его экономическое положение.

«Итак, – говорит Мальтус, – даже из той неполной картины, какая представлена нами, можно сделать то заключение, что, несмотря на столько разрушительных (и предупредительных) препятствий, население различных диких племен, за весьма немногими исключениями, находится на уровне тех средств существования, какие, при данном состоянии промышленности, могут быть добыты этими племенами». В тех же случаях, когда такое соответствие нарушается и обнаруживается избыток населения, на сцену выступает воздер-

жание (на этой стадии развития всего реже), порок и бедствия.

Нам нет надобности останавливаться с такой же подробностью на состоянии народонаселения в древней Греции и в Риме, где Мальтус усматривает действие тех же предупредительных и разрушительных препятствий. Он особо подчеркивает, что Платон уже имел некоторое представление о возможности перенаселения и что все греческие философы требовали государственного вмешательства в семейные дела; однако он не прибавляет при этом, что государственное вмешательство по их мысли было нужно для покровительства размножению, а не для борьбы с ним. Затем Мальтус настаивает на распространенности в Греции детоубийства, на поздних браках и на кровопролитных войнах. Характерны его замечания о воспитании в Спарте: «Нелепая система спартанской дисциплины, – говорит он, – и то противоестественное подавление всех личных чувств ради общественных, которое вызывало иногда в наше время столь неразумный восторг, могли практиковаться только у народа, подверженного всем трудностям и лишениям непрерывных войн, и только в состоянии постоянного страха перед превратностями судьбы. Вместо того чтобы доказывать патриотизм и силу характера спартанцев, явления эти, по моему мнению, служат лучшим свидетельством того, что Спарта и вообще вся тогдашняя Греция находились в самом жалком и варварском состоянии. Как всякие товары, такого рода добродете-

ли культивируются, когда на них есть большой спрос. Если равнодушные к страданиям и самые крайние патриотические жертвы требуются больше всего другого, – это служит плохим доказательством благосостояния народа и обеспеченности государства».

Минуя древний Рим, мы перейдем теперь прямо к эпохе падения Римской империи, – падения, подготовленного, по мнению Мальтуса, концентрацией поземельной собственности и рабством. Однако непосредственной причиной этого падения было, как известно, нашествие варваров, о котором мы и находим в «Опыте...» несколько любопытных замечаний. Переселения вообще в глазах Мальтуса составляют не что иное, как следствие более быстрого размножения человека по сравнению с имеющимися у него средствами пропитания. Пример Авраама и Лота может служить к этому иллюстрацией: когда их стадам стало тесно на общей земле, Авраам сказал Лоту: «Разве перед тобою не открыта вся страна? Если ты пойдешь налево, я пойду направо, а если ты пойдешь направо, я пойду налево». Так, ища пастбищ, двигались пастушеские племена, населяя дотоле необитаемые страны. Сравнительная легкость, с которой вначале можно было всегда найти корм для скота, породила у кочевых народов большую беспечность в деле размножения, ничем не сдерживаемого и потому особенно быстрого. Переселения стимулировали размножение, а размножение делало необходимыми переселения; кроме того, переселения и со-

пряженные с ними кровавые стычки с туземцами пробуждают в кочевых народах дух алчности и склонность к насилию. Кочующие орды становятся бичом для мирного земледельческого населения. Сам образ жизни и способ пропитания у кочевых народов доставляют повод к бесконечным распрям. Всякое посягательство на ту обширную территорию, которая служит пастбищем для скота целого племени, приводит к кровопролитным столкновениям. Но войны приводят за собою разрушение жилищ, вытравление пастбищ и уничтожение – из мести – вражеского скота. Таким образом, «недостаток в средствах существования породил склонность к грабежу, а привычка к грабежу уменьшила средства существования». В погоне за новыми источниками пропитания кочевники совершают нашествия на более культурные народы.

Падение Римской империи было лишь одним из эпизодов в истории великого переселения народов. Долгое время кочевые народы северной Европы сдерживала сила римского оружия и слава римской доблести. Ослабление военной силы Римской империи открыло доступ для варваров, и они хлынули в Италию бесчисленными полчищами. Франки, аллеманы, готы, вандалы, гепиды и бургунды, «стесненные в собственных пределах», одни за другими потянулись на юг, – и Рим не выдержал их напора. Голод и чума, составляющие обыкновенно следствие кровопролитных войн, опустошали всю Европу. Эта трагическая судьба, эти беспредельные и неизобразимые страдания прекраснейшей в мире

страны, все эти катастрофы и великие события, поражающие наше воображение, могут быть объяснены, по словам Мальтуса, одной только весьма простой причиной – преобладанием населения над средствами существования и усиленным размножением северных народов. Для доказательства своей мысли он описывает жизнь и нравы германцев. Эти варвары, если верить историкам, отличались большими семейными добродетелями; они запрещали подкидывать или умерщвлять новорожденных и почитали за счастье иметь большое количество детей. Что у германцев объяснялось чистотой их нравов, то у скандинавов проистекало из их беспечности, порожденной привычкой к грабежу и к легкой наживе. Результат в обоих случаях получался один – усиленное размножение. Излишнее население в странах германцев и скандинавов принуждено было идти искать счастья на стороне. Так, путем выселений, путем междоусобных войн и всяческих несчастий в борьбе с суровой природой, население северной Европы держалось на уровне имеющихся в ней средств пропитания.

О препятствиях, встречавшихся в средние века населением центральной Европы, мы находим в «Опыте...» Мальтуса лишь несколько отрывочных замечаний. Пробел этот восполнен одним из последователей нашего автора, известным историком Дрэпером, представившим в своей книге «История отношений между религией и наукой» довольно яркую картину тех условий, при которых в средние века жи-

ло и развивалось население Европы. Вот главные черты этой картины, как нельзя лучше дополняющей исторический обзор Мальтуса. «Поверхность континента покрыта была тоща большей частью непроходимыми лесами; там и сям стояли монастыри и города. В низменностях и по течению рек были болота, простиравшиеся иногда на сотни миль и испускавшие свои ядовитые миазмы, которые распространяли лихорадки. В Париже и в Лондоне дома были деревянные, вымазанные глиной, крытые соломой или тростником. В них не было окон и, до изобретения лесопилен, в немногих домах существовали деревянные полы... Печных труб не было. В таких жилищах едва ли была какая защита от непогоды. О водосточных канавах не заботились: гниющие остатки и мусор просто выкидывались за дверь. Опрятность была совершенно неизвестна: высокие сановники, как например, архиепископ Кентерберрийский, кишели насекомыми. Пища состояла из грубых растительных продуктов, таких как горох или даже древесная кора. В некоторых местах поселяне не знали хлеба. Удивительно ли после этого, – восклицает наш историк, – что во время голода 1030 года жарилось и продавалось человеческое мясо или что в голодный 1258 год в Лондоне умерло с голоду 15 тысяч человек?» Болезней тогда не лечили, а прибегали к разным северным средствам. Эпидемии, как и стихийные бедствия, старались устранить молитвами. Неудивительно, что заразные болезни распространялись с поразительной быстротой, и, например, сифи-

лисом, завезенным в Европу спутниками Колумба, переболело в свое время все население южной Европы, от святого отца Льва X до уличного нищего. Неудивительно, что население вообще при всех этих условиях росло крайне медленно, а в исключительные моменты даже прямо сокращалось, и что правительства всех европейских государств почувствовали наконец себя вынужденными прибегнуть к разным искусственным поощрительным мерам.

Здесь нет возможности, да нет и надобности перебирать, как это делает Мальтус, все страны Европы, чтоб показать, какого рода препятствия задерживают в них рост населения и как немыслимо увеличение народонаселения без увеличения средств существования. Нам пора обратиться к тому примеру, которым наш автор иллюстрирует свою «геометрическую прогрессию».

Замечено, говорит Мальтус, что новые колонии, где первое время пионеры не чувствуют недостатка ни в месте, ни в продовольствии, отличаются всегда особенно быстрым ростом своего населения. Самые неблагоприятные политические условия оказываются не в силах сломить эту тенденцию. Всем известно, например, как плохо управлялись испанские колонии в Мексике и Перу. «Тирания, суеверия и все пороки метрополии прибыли к ним вслед за колонистами. Они обременялись огромными налогами, торговля их притеснялась произвольными постановлениями, губернаторы грабили их столько же в свою собственную пользу, сколь-

ко и в пользу правительства. И тем не менее, несмотря на все притеснения, население колонии быстро росло». Влияние выгодных экономических условий пересиливало неблагоприятное действие условий политических.

В северных провинциях Америки, говорит Мальтус, население регулярно удваивалось, самое большое – каждые 25 лет. В Нью-Джерси период удвоения не превышал 22 лет, в Род-Айленде он был еще короче. По сведениям доктора Прайса, в некоторых местностях Северной Америки период удвоения не длиннее 15 лет. Последние известные Мальтусу переписи народонаселения Соединенных Штатов вполне подтверждают принятый им двадцатипятилетний период удвоения. «Я видел недавно, – говорит он, – документ, содержащий факты и цифры, относящиеся к населению Соединенных Штатов; в нем определяется период удвоения народонаселения всех Штатов, за все время их существования, всего в 20 лет. *Я не могу сказать, – присовокупляет Мальтус, – в какой степени документ этот заслуживает доверия;* но, поскольку он опирается на факты и на обнародованные цифры, мне кажется, что на него можно положиться».

Вот и весь тот небогатый статистический материал, на котором Мальтусом строится геометрическая прогрессия. Нужно еще отметить его оговорку, в сущности, вполне голословную, что в этом быстром увеличении североамериканского населения переселения из Европы не играли никакой существенной роли.

Современный читатель невольно поражается той скудостью статистических данных, которыми располагает Мальтус для подтверждения своего весьма широкого обобщения. Невольно поражает и то, с каким доверием Мальтус относится к довольно случайным сведениям, полученным им из вторых рук или почерпнутым из документа, неизвестно еще; в какой степени заслуживающего доверия. Чем объяснить подобную небрежность и такое легкое доверие в ученом, не останавливаемом в других случаях перед самыми тщательными изысканиями и загромождающем свою книгу массой разнообразнейших фактов?

Мы уже говорили, что знаменитой геометрической прогрессии комментаторами, популяризаторами и критиками Мальтуса придается вообще несколько иное значение, чем то, какое она имела для самого автора «Опыта...». Последний видел в ней отнюдь не главный вывод из всего своего учения, ибо, формулируя выводы, он даже не упоминает о прогрессиях, но как бы побочную истину, настолько к тому же, по его мнению, очевидную, что он даже *не трудится ее доказывать* и ограничивается *примерами*. Заметим, что с арифметической прогрессией Мальтус поступает еще небрежнее. Причину этого мы уже знаем: правильность арифметической прогрессии стала ему очевидной, лишь только он сформулировал таким образом естественный прирост продовольствия. Таким образом, если Мальтус, по нашему мнению, приводит слишком мало доказательств

своей геометрической прогрессии, то это потому, что он их и не ищет. Геометрическая прогрессия кажется ему неоспоримой по совершенно абстрактным соображениям. Человечество не может размножаться иначе, как в геометрической прогрессии: если от одного брака рождается в среднем по 3–4 нисходящих и каждый из нисходящих в свою очередь обзаведется семьей, естественно, что население будет расти подобно цифрам 1, 3, 9, 27 и так далее. Это прямой логический вывод из всем известного факта, не нуждающийся ни в каких доказательствах. И в сущности Мальтус тут совершенно прав: если отрешиться на время от мысли о тех препятствиях, которые рост населения встречает на своем пути, его нельзя будет выразить иначе, как именно геометрической прогрессией. Остается только определить, в какой период времени проявится эта прогрессия...

Но в таком случае Мальтус, быть может, заслуживает упрека в том, что чересчур поспешно и легкомысленно взял сроком удвоения 25 лет, тогда как современные изыскания показывают, что период этот отличается гораздо большей продолжительностью? Однако же и здесь для Мальтуса найдутся некоторые оправдания. Известный математик его времени, Эйлер, опираясь на цифры смертности и рождаемости, вычислил, что удвоение народонаселения может происходить каждые 13 лет. Вильям Петти, автор «Политической арифметики», писал около того же времени, что, по его мнению, население может удваиваться в отдельных случаях да-

же в десятилетний срок. Что удивительного, если, опираясь на такие авторитеты, Мальтус принял период удвоения в 25 лет и считал, что делает это с полной осмотрительностью?

Чтобы быть верно понятой, геометрическая прогрессия нуждается еще в одном замечании. Критики Мальтуса иногда упускают из виду, что выражением этим наш автор обозначал не действительный рост населения, как он замечается во всем свете, а только известного рода тенденцию, полностью почти никогда не осуществляющуюся. Вот новое объяснение недостаточности приводимых Мальтусом фактов. Соединенные Штаты, как малонаселенная, но изобилующая природными богатствами колония, представляют собой в отношении к росту населения не обычное правило, а счастливое исключение. Роль разрушительных препятствий сведена здесь до минимума, в препятствиях предупредительных потребности не чувствуется, и потому ничем не сдерживаемое население свободно проявляет свою тенденцию к возрастанию в геометрической прогрессии. В Европе, где тенденция эта существует так же, как и в Америке, она не обнаруживается на деле благодаря влиянию целой массы разрушительных и предупредительных препятствий. Следовательно, факты действительного роста населения нельзя противопоставлять геометрической прогрессии, выражающей только *возможность, а не действительность*.

Во всяком случае, как бы велико ни было стремление человека к размножению, предел ему полагает количество

имеющихся в распоряжении людей запасов пищи. Поэтому можно утверждать, говорит Мальтус, что «различные страны населены вообще соразмерно с количеством продовольствия, какое они производят или какое можно добыть в них». Страны, производящие хлеб, заселены гуще, чем те, в которых земля служит пастбищем и население занимается скотоводством, а страны, где привилась культура риса, превосходят своим населением те, в которых возделывается хлеб. Несмотря на постоянное приблизительное соответствие между наличным населением и общим количеством пищи, в отдельных случаях между этими двумя величинами замечается то или другое отношение. И вот «благоденствие государства совсем не зависит ни от числа его жителей, ни от их богатства или каких-либо преимуществ; оно зависит от отношения населения к количеству продовольствия». Почему процветают Соединенные Штаты? Потому что благодаря сравнительной редкости населения и обусловленной ею хорошей плате за труд низшие классы оказываются обеспеченными и в годы неурожая. Голод здесь выражается для народа лишь в некотором сокращении его обычного годового потребления. «Но можно ожидать, – говорит Мальтус, – что с увеличением населения рабочие будут вознаграждаться менее щедро, ибо средства существования не будут увеличиваться пропорционально населению». Тогда и Америка потеряет свое настоящее, исключительно выгодное положение.

Но на рост населения влияет не только абсолютное коли-

чество имеющих в стране запасов пищи. «Еще недостаточно, — замечает Мальтус в первой книге своего „Опыта...“, — чтобы страна производила большое количество продовольствия; необходимо еще такое общественное устройство, чтобы продовольствие это правильно распределялось». Понятно, что, если, например, рабочий класс не приобщается к пользованию, хотя и обширными, но скопленными в немногих руках запасами продовольствия, самое исключительное их изобилие не окажет никакого влияния на его благосостояние, а следовательно, и на рост его населения. Обычным проводником богатства из высших классов населения в низшие является спрос на рабочие руки: положение рабочих лучше там, где существует больше спроса на их труд. Пример особенно малого спроса и проистекающих отсюда бедствий Мальтус видит в Сибири. Система обработки, принятая здесь, так проста и несложна, что требует лишь весьма ограниченного количества рабочих. Почва еще так мало истощена, что не нуждается ни в удобрении, ни в особенно глубоком вспахивании. Земледелие, таким образом, занимает в Сибири лишь небольшое число рук; фабрик в стране почти не существует, ибо промышленность не развита. В результате всего этого предложение со стороны рабочих превышает спрос. Хлеб продается в Сибири по дешевой цене, но труд там ценится еще дешевле: существующая заработная плата недостаточна для безбедного существования работника. Таким образом задерживается рост населения в стране, изоби-

люющей огромными природными богатствами.

В связи со спросом на труд находится и величина заработной платы. Определяется она не одним этим спросом, но и ценой предметов первой необходимости. Желательно поэтому, чтобы обыкновенная пища народов была дорогая и чтобы дешевые суррогаты ее служили не более как подспорьем. Значение высокой заработной платы очень велико: «Действительная величина заработной платы регулирует и ограничивает рост населения». Размер покупательной силы работника определяет и его способность содержать семью; поэтому все, что увеличивает эту покупательную силу (приходские вспомоществования, поурочная плата, существование заработка для жены и детей), служит прямым поощрением к увеличению народонаселения. Мальтус предупреждает только, что в расчет надо брать здесь не поденную плату, подверженную разнообразным колебаниям, а средний годовой заработок всей рабочей семьи. Он и является тем основным фондом, величиной которого обуславливается численность этой семьи.

Кроме спроса на труд и величины заработной платы, значительное влияние на благосостояние народа, а следовательно, и на степень быстроты его размножения, имеют политические условия. Главная причина сравнительно слабой населенности Турции заключается, по словам Мальтуса, в особенностях ее правительства. «Тирания, скверные законы, еще более дурная администрация, а потому и необес-

печенность собственности – представляют здесь такие препятствия для земледелия, что оно падает с каждым годом, а с ним уменьшается и население». Значение политических условий Мальтус вообще склонен был очень преуменьшать; тем любопытнее, что в своем историческом очерке он делает раза два отступления от своего общего, теоретического взгляда.

Привычки и обычаи народа оказывают, по взгляду Мальтуса, особенно сильное влияние на его положение. Все, что увеличивает потребности народа, увеличивает и его благосостояние, потому что таким образом повышается его *standard of life* (минимальный уровень житейского обихода). Фабрики, вызывая стремление к комфорту, оказывают в известном смысле благотворное влияние. Замечено вообще, что рабочие в земледельческих странах беднее, чем в мануфактурных; это именно тем и объясняется, что уровень их потребностей ниже. Вот убедительный пример: рабочие южной Англии так привыкли употреблять в пищу пшеничный хлеб, что ни за что от него не откажутся, тогда как население Шотландии довольствуется самой скудной пищей. «Быть может, – замечает Мальтус, – под давлением закона необходимости, и английские рабочие со временем дойдут до положения низших классов в Китае, тогда страна с тем же количеством пищевых запасов будет давать приют более многочисленному населению». Однако «друзья человечества» должны надеяться, что ничего подобного не случится. Следова-

тельно, сокращение народного потребления, это единственное средство борьбы с перенаселением, когда оно уже налицо, Мальтус решительно отвергает как несовместимое с человечностью. Остается одно – не допускать самого перенаселения, бороться с ним предупредительными мерами.

Глава V

Возражения Мальтуса против учений Кондорсэ, Годвина и Оуэна. – Его отношение к переселениям, и к законам, о бедных. – Сравнение земледельческих стран с промышленными. – Желательный экономический строй. – Предел увеличения народонаселения. – Практические выводы, сделанные Мальтусом из своего учения. – Заключительное признание.

Вопрос о бедности занимал уже многих из современников Мальтуса. Хотя в начале XIX века он не успел еще принять той резкой формы, как в наши дни, когда классовая борьба является основным фоном западноевропейской общественной жизни, а социальный вопрос – главной заботой правителей, хотя тогда еще не пришло время сознательного движения среди рабочих, а в обществе – благих порывов и тревожных исканий исхода, тем не менее уже при жизни Мальтуса многие благомыслящие философы, «друзья человечества», как их тогда называли, не мирились с современным им экономическим порядком и указывали на те или иные реформы, необходимые, по их мнению, для блага «меньших братьев». Мальтус, перенесший вопрос о бедности на совершенно новую почву и давший ему совершенно новое, неслыханное до тех пор, разрешение, не мог, разумеется, довольствоваться изложением своих положительных взглядов; он должен был

подвергнуть критике ходячие социальные системы и показать, что они не дают желаемого разрешения вопросу о бедности, не разрешимому вообще без участия нравственного воздержания. Объектом для своей критики Мальтус выбрал сочинения трех, особенно популярных в его время, писателей: Кондорсэ, Годвина и Оуэна.

В последней части своего «Исторического очерка успехов человеческого разума» Кондорсэ набрасывает заманчивую картину грядущего благополучия. Картина эта, однако же, несколько омрачается существованием даже в далеком будущем отмеченного им особого класса людей, обреченных на постоянный тяжелый труд для блага всего человечества. Озабочиваясь улучшением судьбы этих людей, Кондорсэ придумал план своеобразного социального страхования. Опираясь на сложные вычисления средней продолжительности жизни и обычного роста процентов, он предлагает положить начало такому общественному капиталу, проценты с которого обеспечивали бы существование стариков, вдов, сирот и инвалидов. В сущности, это не что иное, как несколько смутный абрис существующего ныне в Германии государственного страхования рабочих. Мальтус, однако, находит план Кондорсэ весьма непрактичным: «Такие учреждения и вычисления, – говорит он, – очень заманчивы на бумаге, но, осуществленные в жизни, они оказываются совершенно вздорными». Если люди будут уверены в том, что существование не только их самих, но и их семейств вполне

обеспечено, ничто не будет удерживать человека от вступления в брак и произведения на свет обширного потомства. Население быстро размножится и, разумеется, превысит все те капиталы, которые приготовлены на его содержание. Кроме того, как чувствует и Кондорсэ, «для доставления пропитания обширному населению требуется такое количество труда, которого без давления крайней необходимости нельзя ожидать от людей». Учреждения, предложенные Кондорсэ, притупят побуждение к труду. Нищета и лишения оказываются, таким образом, необходимыми, ибо без них человечество не может правильно снабжаться нужным ему запасом пищи. Заметим мимоходом, что Мальтус здесь показывает свои карты: если нищета столь необходима, то очевидно, что предложенное им средство, нравственное воздержание, в борьбе собственно с нищетою не окажется действительнее страхования, рекомендуемого Кондорсэ.

Любопытны замечания Мальтуса по вопросу о способности человеческой породы к усовершенствованию и о прогрессе: «Способность к улучшению как животных, так и растений, – говорит он, – не подлежит сомнению. Существует очевидный и решительный прогресс; и тем не менее, по-моему, в высшей степени нелепо утверждать, будто прогресс этот не имеет границ. Хотя человеческая жизнь, под влиянием разных причин, подвержена значительным изменениям, позволительно, однако же, сомневаться, чтобы с тех пор, как существует мир, произошло хоть одно органическое улучшение».

ние в природе человека, которое можно было бы ясно указать. Впрочем, – прибавляет далее автор „Опыта о народонаселении“, – заблуждение состоит не в предположении о возможности некоторого улучшения, но в смешении улучшения, пределы которого неопределенны, с действительно безграничным улучшением».

Все практические пожелания Годвина сводились к политической реформе. Вот как на это отвечает Мальтус: «Главная ошибка, развиваемая Годвином в его сочинении, заключается в том, что он приписывает человеческим учреждениям все пороки и всю нищету, которые обнаруживаются в обществе. В политических учреждениях и в институте частной собственности заключается, по его мнению, источник всяческого зла, благодатная почва для всех развращающих человечество преступлений... Но дело в том, что, хотя человеческие учреждения кажутся и даже часто действительно бывают несомненной причиной большой доли зла, причина эта в действительности чисто внешняя и поверхностная по сравнению с теми глубокими причинами, которые коренятся в законах природы и страстях человека». Теми же приблизительно доводами сражается Мальтус и с учением Оуэна, которому, однако, за его агитацию в пользу рабочих законов Мальтус считает нужным выразить свое «глубокое уважение».

Таким образом, никакая политическая реформа, по мнению Мальтуса, не может устранить нищеты, порождаемой

избыточным населением. Но, кроме бесполезности требуемого Годвином и Оуэном общественного переустройства, оно просто неосуществимо. Неравенство неустранимо: оно имеет свои исторические причины, которые уничтожить невозможно. Когда первые представители рода человеческого поделили между собой всю землю, новым пришельцам не оставалось уже ничего другого, как поступать на службу к собственникам. «Неумолимые законы человеческой природы (то есть размножение людей) сделали то, что многие человеческие существа были обречены на нищету. Это несчастные люди, которым в жизненной лотерее попался пустой билет». Тут кстати будет привести известную тираду, вызвавшую особенно много нареканий и исключенную самим Мальтусом в позднейших изданиях его «Опыта...». «Человек, пришедший в занятый уже мир, – таковы подлинные слова Мальтуса, – не имеет ни малейшего права требовать себе пропитания: он – лишний на земле... На великом жизненном пиру нет для него места. Природа повелевает ему удалиться и сама же приводит в исполнение свой приговор...»

Из сличения двух приведенных отрывков видно, что хотя Мальтус, в угоду друзьям, и уничтожил последнюю тираду, но от мысли, в ней выраженной, он нисколько не отказался. Нищета, по его мнению, порождается чересчур быстрым размножением людей. Политической реформой нельзя уничтожить этого зла; если бы на земле воцарилось самое полное

равенство или если бы за рабочими признано было какое-нибудь право на труд, последствием этого было бы только усиленное размножение и в конце концов еще большая нищета. Иного выхода отсюда, кроме непосредственного воздействия на воспроизводительную способность человека, по мнению Мальтуса, нет и быть не может.

Но кроме широких реформ, касающихся всего общества и всего экономического строя, многими для смягчения нищеты предлагается целый ряд более частных мер. Мальтус разбирает и их.

Одной из таких особенно горячо рекомендуемых мер являются переселения, способствующие колонизации новых земель и разрежению населения в наиболее густо заселенных странах. На первый взгляд, – мера, заслуживающая одного сочувствия; однако, – замечает Мальтус, – она имеет и свою оборотную сторону. История колонизации – это история тех зверств и насилий, которые творились так называемыми культурными народами над некультурными. «Какое бы мнение мы ни имели о туземцах Мексики и Перу, – говорит автор „Опыта о народонаселении“, – при чтении истории завоевания этих стран невольно приходит в голову мысль, что истребленная в них порода людей стояла выше победителей, как по нравственным своим свойствам, так и по своей многочисленности». Но главное возражение, которое можно сделать против переселений, состоит в том, что для борьбы с избыточным населением они совершенно недостаточны.

Однако как временную и частную меру Мальтус переселения вполне одобряет. Он восстает против политики тех правительств, которые препятствуют выселяющимся; нет страха более неосновательного, говорит он, как видеть причину обезлюдения страны в выселениях. «Инертность народной массы и привязанность к дому – качества столь сильные и общераспространенные, что, разумеется, никто не станет переселяться, если политические неурядицы или крайняя бедность не поставят человека в такое положение, при котором его выселение может быть лишь крайне выгодным и для государства, и для него самого. Из всех жалоб, вызываемых выселением, самая безрассудная и не заслуживающая внимания состоит в приписываемом ему возвышении заработной платы. Если, преодолев свою привязанность к дому, люди идут в далекие страны, значит, – объясняет нам Мальтус, – заработная плата в их отечестве такова, что она не дает возможности существовать без крайних лишений. При таких условиях было бы делом жестоким и несправедливым противодействовать переселениям».

Для борьбы с нищетой в Англии существовали и существуют до сих пор так называемые «законы о бедных», согласно которым взимается известный налог в пользу беднейших граждан и им оказывается вспомоществование работой или деньгами. Во время появления в свет «Опыта о народонаселении» налог этот давал до 30 миллионов рублей; деньги раздавались беднякам разными способами, но, как замечает

Мальтус, «без видимого улучшения в их положении». Оно и неудивительно, по мнению нашего автора. Ведь количество мяса в стране не увеличится от того, что мы станем давать по 3 шиллинга или даже по 18 шиллингов некоторым беднякам. Что же случится? Конкуренция между покупателями повысит рыночную цену мяса, и оно по-прежнему останется недоступным для беднейшей части населения. «Никто так горячо не желает, как я, – говорит Мальтус, – *действительного* повышения заработной платы»; но воображать, что этого можно достигнуть *нарицательным* повышением ее, – крайне наивно. «Заработная плата, если она держится на своем естественном уровне, представляет собою политический барометр, имеющий огромную важность: она выражает собою отношение между спросом на средства существования и предложением их, между количеством потребителей и количеством предназначенных к потреблению продуктов... Когда повышение цен съестных припасов показывает перевес спроса над предложением, то, желая поставить работника в положение, в котором он находился прежде, увеличивают цену труда, то есть спрос, и потом удивляются, что дороговизна съестных припасов продолжает расти. Это то же самое, как если бы при падении барометра, указывающем на *бурю*, мы стали бы, для возвращения хорошей погоды, поднимать в нем ртуть каким-нибудь механическим давлением и после удивляться, что дурная погода продолжается». Едва ли можно объяснить лучше всю тщету решения социального

вопроса при помощи филантропических затей. Социальный недуг, как выразился Родбертус, нельзя лечить ромашкой.

Нечего и говорить, что в отмене стеснительных для промышленности налогов, в рабочих союзах и стачках, в организации общественных работ и т. п. Мальтус не видит сколько-нибудь действительных средств борьбы с бедностью. Вредного действия некоторых пошлин он не оспаривает, но, по его мнению, «облегчение, доставляемое уничтожением пошлины, нисколько не уравнивает вреда, причиняемого ее наложением». Стачки кажутся Мальтусу неспособными поднять заработную плату: если стачечники и добиваются увеличения получаемого ими вознаграждения, то это покупается ими ценой отстранения от производства известного количества их конкурентов; весь рабочий класс в его целом таким образом ничего не выигрывает. В качестве полезного паллиатива – паллиатива, не лишённого к тому же и слабых сторон, – Мальтус вполне одобряет устройство общественных работ, в особенности таких, которые касаются улучшения почвы. Пересмотрев все эти предлагавшиеся в его время меры для облегчения судьбы рабочего класса, Мальтус приходит к неутешительному выводу, что никакой существенной пользы рабочим они не принесут.

Развитие бедности находится, несомненно, в известной связи с характером господствующей в стране промышленной деятельности. Многие, однако, совершенно односторонне и неправильно объясняют бедность исключительно толь-

ко распространением фабрик и мануфактур, земледелие же изображают той идеальной формой, при которой страна благоденствует. Мальтус, считающий, что отличительной чертой земледелия является именно его способность давать больше продуктов, чем сколько нужно для самих земледельцев, вооружается тем не менее против такого слишком оптимистического взгляда. Земледельческие страны отнюдь не обеспечены против всех бедствий пауперизма; на практике даже замечается такое явление: население, занимающееся исключительно земледелием, бывает обыкновенно беднее населения промышленных стран. Где свободные земли встречаются в изобилии и где они легко переходят из одних рук в другие, где существует хороший сбыт для земледельческих продуктов и в то же время добывание сырья сопровождается его переработкой – там можно встретить одновременно и высокую прибыль на капитал, и высокую заработную плату. Пример подобной земледельческой страны являют собой Соединенные Штаты. Но обычный тип стран, преданных исключительно земледелию, совершенно другой. Обыкновенно в них чувствуется недостаток в капиталах, отчего прибыль бывает чересчур высока, между тем изобилие земли понижает цену хлеба; высокая прибыль и отсутствие ловкости у рабочих приводят обыкновенно к тому, что повышают цену всех обрабатываемых продуктов. Изобилие и дешевизна хлеба поощряют размножение, которое и приводит заработную плату к падению. А в стране, где заработная пла-

та низка, где хлеб по сравнению с фабрикатами дешев, положение рабочих должно было быть самое плачевное. К причинам экономическим в земледельческих странах присоединяются обыкновенно и неблагоприятные политические условия: порабощение жителей, дурное правительство и прочее. Но Мальтус далек от того, чтобы не видеть неудобств и в чрезмерном одностороннем развитии промышленности. Исключительно мануфактурные страны находятся в еще более затруднительном положении, чем исключительно земледельческие. Они попадают в зависимость от соседей, ввозящих к ним хлеб, и чрезвычайно страдают от всех случайностей транспорта. «Торговля и фабрики необходимы для земледелия, но земледелие еще более необходимо для торговли и фабрик». Таким образом, лучшим экономическим строем, по мнению Мальтуса, был бы тот, который совместил бы в себе в должной мере обе системы – земледелия и промышленности. Страны, в которых земледелие находится в таком же цветущем положении, как и обрабатывающая промышленность, и где население, занимающееся промыслами и торговлей, не слишком превосходит своей численностью население земледельческое, лучше всего предохранены против всяких несчастных случайностей и против бедствий пауперизма. Богатство и население таких стран могут расти в течение многих столетий. Это не значит, однако, что они будут расти беспредельно.

Есть предел, достигнув которого, население самой цве-

тущей страны останавливается в своем развитии. Остановка эта наступает не вдруг: с размножением населения и с уменьшением количества свободной земли прибыль землевладельца, а за нею и всякая прибыль вообще постепенно, но неукоснительно падают, столь же неукоснительно падает и заработная плата. Таким образом все уменьшается даваемое ими поощрение к накоплению капиталов и к размножению людей, откуда наконец совершенное падение прибыли и заработной платы не приведет промышленность и население к полнейшему застою. Различные причины могут немного задерживать и нарушать последовательность этого процесса, но самый процесс неизбежен, точно так же, как неизбежна граница, ея же не преjdeши, постоянному размножению людей. Не следует думать, что граница эта – истощение почвы, действительная неспособность земли доставлять пропитание всему наличному населению. Нет, благодаря частной собственности (частной собственности, господству которой Мальтус не видит конца) граница эта значительно ближе: как только земля перестанет давать прибыль землевладельцу, как только фермер и земледельческий рабочий, вследствие сокращения их доходов, окажутся в невозможности содержать свои семьи, – род человеческий остановится в своем размножении, и население будет далее пребывать в застое...

То, против чего нельзя бороться, следует принять за данное. Так как никто, очевидно, не может обходиться без пи-

щи и так как в то же время человечество стремится размножиться быстрее средств существования, – нужно поэтому иметь постоянно перед глазами опасность перенаселения и постараться ввиду ее принять предупредительные меры. Если сам человек сознательной волей не поставит пределов своему размножению, это сделает вместо него природа; но сделает грубо и безжалостно. Смерть скосит избыточное потомство. Вообразить, что мы можем бороться и с самой смертью, что мы можем оспаривать у нее ее жертвы, позволительно лишь близоруким людям. Если прогресс медицины научит нас справляться с одними болезнями, – распространятся другие, столь же губительные. «При достижении своих великих целей природа устремляется, видимо, к самой слабой преграде, оказывающей ей сопротивление. Если последняя будет усилена при содействии искусства, она направится к другому выходу, по своей прочности следующему за первым, и так далее». В древности наибольшую смертность причиняли войны и чума. Появление оспы отвратило в другую сторону «канал смертности». Новая перемена в его направлении произойдет благодаря тому, что мы научились прививать оспу, однако «в различных каналах, которыми изливается река смерти, останется по-прежнему определенная и неизменная масса воды».

Только предупредительные препятствия могут действительно ослабить или даже сделать совершенно излишним действие препятствия разрушительных. «Если народонасе-

ление должно неизбежно сдерживаться каким-нибудь препятствием, – говорит Мальтус, – лучше, чтобы это было делом благоразумной предусмотрительности ввиду тех затруднений, которые встретит потомство, и страха пред угрожающей нищетой, чем результатом влияния прямой нищеты и болезни. Перенося вопрос на личную почву, можно сказать, что забота о благе потомства должна удерживать человека от следования одним своим – физиологическим побуждениям. Долг каждого – производить на свет только такое количество детей, которое он может воспитать и прокормить. Самообуздание в этом отношении для многих очень тяжело, а такого рода обязанности трудновыполнимы, но отсюда следует только то, что нельзя слишком строго судить за нарушение этих обязанностей, а вовсе не то, что их совсем не существует или что они не имеют большого значения».

Какими же средствами можно побуждать людей к нравственному воздержанию? Средства эти для разных классов общества различны. В высших классах привычки к предусмотрительности уже так распространены, что здесь достаточно было бы, по мнению Мальтуса, предоставить девушкам большую свободу и те же права, как и замужним женщинам. После этого нравственное воздержание не замедлит тотчас же войти в привычку всех состоятельных людей. Что же касается простого народа, то он нуждается еще в широком распространении просвещения. В Англии, где ежегодно громадные суммы тратятся на содержание бедных, слиш-

ком мало, по словам Мальтуса, делается для народного образования. А между тем, как он выражается, «правительство, не заботящееся о народном образовании, весьма далеко от совершенства». В данном случае дело идет специально об обучении народа начаткам политической экономии, которую Мальтус считал возможным ввести в курс начальных училищ.

Но, кроме просвещения, трудящимся классам не достает еще в настоящее время стремления к независимости, чувства собственного достоинства, привычек к довольству и домовитости. Как для распространения в народе знаний общество должно озаботиться его просвещением, так для привития ему этих чувств народу должна быть предоставлена большая степень гражданской и политической свободы.

«Конституционный режим, – говорит Мальтус, – имеет не только то, обыкновенно признаваемое за ним, достоинство, что народное представительство стремится обеспечить законы хорошие и равные для всех, но оно еще приучает высшие классы относиться с большим уважением к низшим, оно пробуждает в последних чувство собственного достоинства и налагает на каждого гражданина большую личную ответственность; поэтому такая форма правления оказывает сильнейшее содействие увеличению богатства и благосостояния низших классов». С увеличением же благосостояния человек делается более способным воспринимать здравые знания и следовать голосу рассудка.

Однако против нравственного воздержания в обществе высказываются иногда некоторые возражения, которые могут явиться препятствием к широкому распространению его в известных слоях населения. Говорят, например, что нравственное воздержание является своего рода отрицанием брака, освященного между тем авторитетом церкви. На это Мальтус отвечает, что с религиозной же точки зрения, следуя учению св. Павла, супружество заслуживает одобрения только в том случае, когда оно не противоречит более высоким обязанностям, иначе оно достойно порицания. Обязанности перед обществом должны быть, разумеется, поставлены выше всяких других. Говорят далее, что если нравственное воздержание станет практиковаться простым народом, это повысит цену на труд и причинит обществу большие неудобства. Тут Мальтус напоминает, что нравственное воздержание и является именно, по его мысли, средством улучшить положение народа, «а желать помочь бедному и в то же время жаловаться на высокую заработную плату значит подражать ребенку, который одной рукой отдает конфетку, а другой старается взять ее обратно и плачет, если ему не возвращают ее». Указывают наконец на то, что *нравственное* воздержание легко может сделаться безнравственным, потому что, воздерживаясь от брака, люди, быть может, не воздержатся от разврата. На это Мальтус отвечает указанием на существующую уже при современных порядках безнравственность. «Крайняя бедность, в особенности когда она со-

единяется с ленью, представляет менее всего благоприятные условия для чистоты нравов... Встречается такая степень нищеты, при которой родившаяся девочка уже заранее предназначается для разврата... Уважать себя в положении, в котором никто не уважает тебя, есть дело в высшей степени трудное».

Постоянно подчеркивая, что сокращение размножения необходимо прежде всего в интересах народа, ибо оно одно способно уменьшить его нищету, Мальтус при этом не забывает указывать и на то, какую выгоду получили бы от него руководящие классы. Нравственное воздержание – лучшее средство против всяческих смут. «Толпа, участвующая в мятежах, доставляется избыточным населением».

Мальтус высказывает довольно твердую уверенность, что человечество избежит крайних последствий перенаселения. С одной стороны, естественная осторожность и забота о своем собственном благосостоянии будут сдерживать человека от обременения себя чересчур многолюдной семьей, с другой, – успехи цивилизации постоянно сопровождаются некоторыми вредными для населения последствиями, так что разрушительные препятствия, хотя и отступают на второй план, тем не менее продолжают и всегда будут продолжать оказывать известное влияние на сокращение народонаселения. Примет общество или нет те практические меры, которые Мальтус со своей стороны предлагает, – во всяком случае трезвые знания с течением времени распространятся, и

народ станет заботливее относиться к тому, что в настоящее время в его среде обыкновенно ничем не регулируется и является следствием простой невоздержанности.

Настойчивые предупреждения Мальтуса относительно бедствий перенаселения и его горячая рекомендация нравственного воздержания как единственного действительного средства в борьбе с нищетой, произвели на некоторых читателей его «Опыта...» такое впечатление, будто автор вообще не сочувствует возрастанию населения и склонен даже в известных случаях предпочесть жизни смерть. Против такого обвинения Мальтус восстает с величайшей горячностью. «Смотреть на меня, как на врага населения, – говорит он, – значит не иметь понятия о моих принципах. Враги, с которыми я борюсь, суть нищета и порок». То обстоятельство, что всякая убыль населения всегда легко восполняется его естественным приростом, «с нравственной точки зрения, – говорит Мальтус, – не может служить и тенью для извинения безумного пожертвования людьми, уже существующими. Положительное зло, причиняемое их гибелью, страдания, нищета, несчастья, разорение, вызываемые таким преступным жертвованием, ни в каком случае не могут быть уравновешены соображением, что численная потеря людей легко и скоро может быть пополнена». Людей, заключает Мальтус, надо беречь, и только крайняя необходимость может оправдать отступление от этого общего правила.

Еще менее справедливое обвинение возвели на Мальту-

са те из его врагов и друзей, которые решили, что так как сокращение размножения – его главная цель, следовательно, для Мальтуса в сущности безразлично, какими средствами будет оно достигаться. Исходя отсюда, так называемые мальтузианцы стали рекомендовать разные меры для предупреждения зачатия или для вытравления плода – меры, которые автор «Опыта...» никогда не поставил бы рядом с рекомендуемым им нравственным воздержанием. Исходя отсюда же, некоторые противники Мальтуса заключили, что он должен сочувствовать всему, что будет препятствовать людям вступать в супружество, и что поэтому он признает целесообразным запретить просто беднякам обзаводиться семьями. Хотя ничего подобного Мальтус в действительности не говорил, тем не менее это нелепое обвинение фигурирует постоянно в шаблонных критиках его учения. Дюрингом, например, в его «Курсе национальной и социальной экономики», оно формулируется так: «Политические идеалы Мальтуса заключались, очевидно, в том состоянии общества, при котором для низших классов как полусвободных заключение брака зависело бы от дозволения каких-нибудь господ». В какой степени такого рода «идеал» противоречит действительным убеждениям автора «Опыта о народонаселении», это видно из следующего его вполне категорического заявления: «Меня обвиняли в том, – говорит он, – что я предлагал закон, запрещающий бедным жениться. *Это* несправедливо. Я не только не предполагал такого закона, но говорил

самым ясным образом, что если человек желает жениться, не имея основательных надежд на возможность содержать семью, свобода его в этом отношении не должна быть стесняема... Я придерживаюсь самым решительным образом того мнения, что всякий закон, ограничивающий брачный возраст, и несправедлив, и безнравствен».

Полемизируя с критиками и отстаивая перед ними свои убеждения, Мальтус в конце концов высказывает сожаление, что резкостью своих выражений и суровостью своих нападок на человеческие слабости он навлек на себя осуждение людей, «одобрение и сочувствие которых ему были бы особенно лестны». «По всей вероятности, – сознается сам Мальтус, – найдя лук слишком согнутым в одну сторону, я, чтобы его выпрямить, вынужден был слишком перегнуть в другую». Допуская в своем сочинении возможность ошибок как плод увлечения, Мальтус не допускает, однако, чтобы кем-нибудь была заподозрена чистота его намерений. Вот подлинные и в то же время заключительные слова его книги: «Всякий беспристрастный читатель, полагаю я, должен признать, что практическая цель, которую всегда преследовал автор, в какие бы ошибки он ни впадал при этом, состояла в улучшении положения и в увеличении счастья низших классов общества».

Теперь, когда читатели подробно ознакомились с идеями и учением Мальтуса, постараемся разобраться, в какие именно ошибки впал он, какое отношение имеет его уче-

ние к «увеличению счастья низших классов» и в чем вообще состоят заслуги и значение автора «Опыта о народонаселении».

Заключение

Разнообразие мнений, высказываемых о Мальтусе. – Необходимость рассматривать все его сочинения в целом. – Основные черты единства во взглядах Мальтуса. – Специально-экономические заслуги. – Истинное и ложное в учении Мальтуса о народонаселении. – Его публицистические и научные элементы.

Трудно вообразить себе большую разногласицу, большие несогласия, чем те, которые разделяют экономистов в общей оценке значения Мальтуса. Было бы еще понятно, если бы разногласия эти существовали между представителями разных школ и национальностей, а то ведь люди, вообще солидарные между собой, соотечественники и современники, как только дело коснется Мальтуса, оказываются вдруг величайшими антагонистами. Выходит так, что легче прийти к соглашению по всем важнейшим пунктам теоретической экономики, нежели по такому сравнительно частному и второстепенному вопросу, каким является признание заслуг автора «Опыта о народонаселении». Несколько случайно взятых примеров лучше всего нам покажут характер существующих в этом отношении разногласий.

Известный историк политической экономики, Ингрэм, высказывает в своей книге следующее весьма суровое мнение: «Трудно открыть, – говорит он, – в чем заключается тот со-

лидный вклад, который Мальтус сделал в нашу науку; нелегко также определенно указать, какие именно практические правила, кроме уже известных, выводил он из своих теоретических принципов». Что кажется столь трудным для Ингрэма, то делает с большой легкостью и в очень лестных для Мальтуса выражениях Кауц, другой историк экономической науки, столь же солидный, как и его английский собрат, и притом весьма близкий к нему по своему направлению. Вот что мы читаем в его ученом труде «Историческое развитие политической экономии и экономической литературы»: «Своими столь же гениальными, сколь и глубокомысленными исследованиями, которые имели предметом отношения национального распределения доходов и развитие национальной промышленности, движение народонаселения и положение рабочих классов и которые вместе с тем открывали новую, в высшей степени важную область политической экономии, – Мальтус установил ряд истин, недостаточно принимавшихся во внимание, а между тем имеющих для практики такую же важность, как и для науки... Значение этого великого мыслителя для развития политико-экономической науки так же велико, как и разнообразно».

Немецкий экономист Кон называет мальтусов закон народонаселения «важнейшим и непоколебимейшим законом всей политической экономии», а его соотечественник и современник Вирт считает учение Мальтуса «печальным заблуждением, которое ныне стараются воскресить, как труп,

путем гальванизирования».

Знаменитый английский экономист и философ Дж. Ст. Милль рассматривает положения Мальтуса «в значительной степени как аксиомы», а его американский собрат Кэри в своих «Основах социальной науки» видит в тех же положениях полное извращение истины, и потому сам выворачивает их наизнанку.

Немецкий социалист Карл Маркс считает «Опыт о народонаселении» «ученически поверхностным и поповски напыщенным плагиатом», а его последователь, австрийский социалист Каутский, несмотря на свое строгое отношение к Мальтусу, принимает и его закон народонаселения, и его предупредительное средство (нравственное воздержание).

После этого уже не приходится удивляться, что, по мнению Дюринга, современная экономическая наука доказала полную ошибочность выводов Мальтуса, тогда как в глазах Рошера выводы эти сделались, напротив, «прочным достоянием» той же самой науки.

Читатель согласится, что высказывать об одном предмете суждения более противоположные, чем те, которые нами только что приведены, мудроно. Чем же объясняется эта разноголосица?

Мы думаем, что она может быть объяснена двумя причинами: во-первых, при постановке окончательного приговора Мальтусу его судьи почти никогда не имеют в виду *всех* его сочинений; их общая оценка производится обыкновенно на

основании одного «Опыта о народонаселении», а во-вторых, и сам «Опыт...» рассматривают не всегда с той объективностью и беспристрастностью, которой требует это прежде всего научное сочинение, но непременно с точки зрения какой-нибудь партии, причем на практические выводы Мальтуса обращается больше внимания, чем на научные основы его учения о народонаселении. Только уже в сравнительно недавнее время в этом отношении замечается некоторый поворот: целый ряд немецких ученых занялся разбором учения Мальтуса по существу. Что же получилось? Такие авторитетные представители науки, какими являются Ланге, Эттинген, Ад. Вагнер, Рюмелин, и другие, объявили себя сторонниками «сущности» мальтусова учения.

Судить о Мальтусе не только по одному «Опыту о народонаселении», но постоянно иметь в виду и его «Политическую экономию», и его сочинение «Об определениях», и его трактат о ренте, – кажется нам столь же обязательным, как обязательно, например, при суждении о Милле не игнорировать его философских трудов. По одному «Опыту...» нельзя произвести *полной* оценки значения Мальтуса, и, таким образом, нельзя произвести *верной* его оценки. Экономические взгляды Мальтуса выясняются лишь из сличения всех его трудов: «Политическая экономия» служит объяснением «Опыта...», а сочинения об определениях и о ренте дают ключ к пониманию отдельных частей «Политической экономики». Попробуем наметить здесь некоторые главней-

шие черты того объединяющего экономического мироздания, которое лежит в основе всех трудов Мальтуса.

Во второй главе мы сделали попытку резюмировать все взгляды Мальтуса по вопросам теоретической и прикладной экономики. В дальнейшем изложении мы имели в виду уже только одно учение о народонаселении. Употребляя выражения, принятые в науках уголовного и гражданского права, можно сказать, что мы разбирали сначала *общую* и затем *особенную* часть учения Мальтуса. Главнейшие положения особенной части являются, как тому и следует быть, дальнейшим развитием и частным применением основных положений общей части учения.

Читатель припомнит, что основной посылкой этой последней, посылкой, на которой Мальтусом строилось как все теоретическое здание его системы, так и объяснение многих явлений экономической жизни, – служили отношения спроса и предложения. Спрос регулирует цену товаров, спросом определяется прибыль капиталиста и заработная плата рабочего. Те же отношения спроса и предложения легли и в основу учения о народонаселении. Увеличение предложения предметов первой необходимости имеет такое же решающее влияние на их цену, как и на движение народонаселения, хотя результат в обоих случаях получается неодинаковый: в то время как первое (цена) падает, второе (население) растет. Несоответствие между спросом и предложением имеет те же последствия для промышленности, что и для народонаселе-

ния. Превышение предложения над спросом производит в первом случае перепроизводство и ведет к кризису; превышение спроса над предложением знаменует во втором случае перенаселение и является тоже особого рода кризисом. Устраняются оба кризиса двумя аналогичными средствами или прямым уничтожением товаров при перепроизводстве и людей при перенаселении, или увеличением спроса для товаров и предложения для людей, то есть и в том, и в другом случае восстановлением нарушенного соответствия между спросом и предложением.

Другой существенной чертой экономических взглядов Мальтуса является, как мы видели, непосредственно дополняющее доктрину спроса и предложения принципиальное отрицание им трудовой теории ценности. Упраздняя творческую роль труда в создании ценности, Мальтус вполне аналогично и в учении о народонаселении умаляет до крайности значение этого фактора. Природа отпускает человечеству периодически известное количество продовольствия; раз оно, это продовольствие, съедено, новым пришельцам в мир уже ничего другого не остается, как подвергаться действию препятствий разрушительных. Труд, таким образом, — только передаточная инстанция. В сущности труд человека состоит лишь в том, чтобы взять даваемое природой; никакой творческой роли труд иметь не может.

Еще более важной основной чертой мировоззрения Мальтуса, чертой, проявляющейся постоянно во всех его писа-

ниях, является исповедуемая им доктрина экономического материализма. Мы позволяем себе применить к взглядам Мальтуса это ныне вошедшее в моду выражение, потому что никакое другое не выразит так отчетливо самой характерной черты его социологического мирозерцания. «Наиболее могущественная и универсальная из всех потребностей человека, – говорит Мальтус, – это потребность в пище и в таких вещах, как одежда, жилище и так далее, непосредственно необходимых, чтобы избавлять нас от неприятных ощущений холода и голода. Всеми признано (увы, еще далеко не всеми!), что именно этими потребностями люди всего больше побуждаются к деятельности, улучшающей и совершенствующей условия цивилизованной жизни, и что преследование этих целей и удовлетворение этих потребностей составляют главный источник счастья для большей части всего человечества и в то же время совершенно необходимые условия для самых изысканных наслаждений другой его части».

Признание примитивности и универсальности стремления человека к пропитанию является краеугольным камнем всего философского и экономического мировоззрения Мальтуса; оно поэтому постоянно и отражается на всех его построениях как в области теоретической экономии, так и в учении о народонаселении. История человечества – это, по его взгляду, история борьбы за пропитание. Выше были приведены примеры того материалистического толкования,

которое Мальтус дает отдельным историческим явлениям. Падение Рима – только один из эпизодов в истории переселений; а основанием переселений является всегда не что иное, как недостаток в пище. Войны и кровавые столкновения порождаются всегда чисто экономическими причинами и в свою очередь влияют на образование среди воинственных племен особой, чисто военной нравственности. Вообще обычаи и нравственные представления народа находятся в тесной зависимости от экономических условий. Даже добродетели, подобно товарам, производятся, когда на них есть спрос. Нечего и говорить, что вся экономическая жизнь, промышленная деятельность, отношения человека к природе и к себе подобным, – обуславливаются прежде всего тем же главным стремлением всех людей – к пропитанию.

После голода самый сильный импульс для деятельности человека дает половое влечение. С этой прибавкой экономический материализм Мальтуса может считаться главной посылкой, из которой он *дедуктивным* путем выводит все остальные положения. Методом Мальтуса в «Опыте...», как и в «Политической экономии», является по преимуществу та же дедукция; здесь опять замечается полная аналогия между обоими сочинениями. Правда, для убеждения читателей Мальтус в «Опыте...» прибегает гораздо чаще к историческим или статистическим примерам, но в сущности примеры эти являются лишь как бы известной формой изложения: для самого Мальтуса они большого значения не имеют. Во

всяком случае, не путем индуктивного анализа фактов он доходит до своих выводов, а наоборот, дедуктивно полученные выводы иллюстрирует и, самое большое, проверяет собранными им фактами.

Заслуги Мальтуса собственно в теории политической экономии настолько велики и очевидны, что если бы их имели в виду при постановке над ним общего приговора, приговор этот не мог бы быть односторонне обвинительным. Вот почему мы и настаиваем на необходимости судить о значении Мальтуса не иначе, как принимая во внимание все его сочинения в целом. Напомним вкратце, что уже нами было сказано раньше о специально-экономических заслугах автора «Оснований политической экономии».

Своей «Политической экономией» Мальтус старался подвести итоги полученным до него результатам, чтобы затем скорее можно было приступить к практическим приложениям теоретических выводов. Совершенно справедливо замечает его биограф Бонар: «Для Мальтуса открытие истины было менее важно, чем улучшение в общественном устройстве». Это его очень отличает от Рикардо, делавшего свои выкладки так же бесстрастно, как математик, решающий алгебраические задачи. Мальтус, что бы ни говорили о нем, больше думал о нищете народа, чем Рикардо. Правда, нищету эту он надеялся устранить, не тронув ничьих богатств; правда, предложенное им средство не может быть признанным очень действительным, и тем не менее его желание под-

нять благосостояние рабочего класса, повысить его standard of life – не должно подлежать никакому сомнению.

Повторять уже сказанное о теоретических взглядах Мальтуса мы здесь не видим надобности. Достаточно будет напомнить о его трезвом взгляде на материальный характер богатств, о его учении о ренте и прочем. Такова положительная часть сделанного им теоретического вклада, – часть, надо сознаться, не малая. Но даже в тех частях своей «Политической экономии», где Мальтус очевидно заблуждался и был опровергаем Рикардо, – даже там сочинение его не теряет своей поучительности. Его теоретическая оппозиция трудовой теории ценности, например, сослужила такую службу последней, что, на наш взгляд, после Рикардо и Маркса своим конечным торжеством она всего больше обязана именно Мальтусу.

Обратимся теперь к «Опыту о народонаселении».

Основные положения своего учения о народонаселении сам Мальтус формулирует следующим образом: 1) народонаселение ограничивается средствами существования; 2) народонаселение увеличивается, когда увеличиваются средства существования; 3) препятствия, задерживающие размножение, сводятся к воздержанию, пороку и нищете. Мы сейчас постараемся доказать, что все эти три положения более или менее подтверждаются современной наукой.

Некоторые из критиков Мальтуса старались уверить своих читателей, что изложенное в «Опыте...» учение представ-

ляет собой совершенный трюизм, ненужное повторение той элементарнейшей мысли, что люди не могут жить без пищи. В наши дни этот упрек повторяется Ингрэмом: «Провозглашенная с такой претензией так называемая Мальтусова теория населения вместо того чтоб быть великим открытием, как многие это утверждали, или вредоносной новостью, как склонны были смотреть другие, является... формальным (?) возвещением *очевидных*, хотя на время и оставленных без внимания фактов». С такой точки зрения доказывать справедливость приведенных трех положений Мальтуса нет, разумеется, ни малейшей надобности: справедливость их очевидна, ибо они выражают не что иное, как общеизвестную истину. Однако, и это весьма характерно, то, что кажется столь очевидно истинным для одних из критиков «Опыта...», то столь же очевидно ложно для других. Конечно, человек не может жить без пищи, но не о том и речь; вопрос ставится так: что от чего зависит, что обуславливается чем: пища ли народонаселением, или народонаселение пищей? До Мальтуса почти все и после него его критики утверждали, что количество пищи обусловлено количеством людей: с увеличением народонаселения тотчас же увеличивается и сумма имеющегося для него пропитания. А Мальтус, как мы видели, выставил положение прямо противоположное. Следовательно, говорить о трюизме тут уже не приходится, и учение Мальтуса требует проверки и доказательств.

Размеры настоящего заключения не позволяют нам вхо-

дить в подробности при рассмотрении вопроса, как отражается на населении количество имеющихся в его распоряжении запасов пищи. Статистикой в наше время уже доставлено множество фактов, подтверждающих именно тот характер зависимости, на который указывал Мальтус. Мы ограничимся здесь только тем, что приведем авторитетное свидетельство знаменитого автора «Истории материализма» и «Рабочего вопроса», Ланге. «Хотя голодная смерть, – пишет он в своем последнем сочинении, – в собственном смысле слова встречается далеко не так редко, как воображает себе мягкосердечная и доверчивая филантропия некоторых почитателей нашего гуманного века, но в статистическом отношении значение этой специальной формы как причины смертности не играет значительной роли. Гораздо опустошительнее действуют различного рода болезни, вызываемые голодом, потому что они заразительны и распространяются на людей зажиточных. Зависимость этих смертных случаев от повышения и понижения заработной платы доказана до сих пор пока только косвенно, посредством *сравнения цифры смертности с ценами на хлеб*. Впрочем, последние представляют собой коренную причину колебания заработной платы, так что косвенное доказательство не лишено полной убедительности». И далее Ланге приводит ряд цифр, которые убеждают нас в том, что с понижением цен на хлеб (а это бывает при его изобилии) смертность одновременно уменьшается и, наоборот, увеличивается число рождений и

браков. Кроме смертности, дороговизна съестных припасов благоприятствует всегда и заболеваемости: болезни, особенно в форме эпидемий, почти всегда сопровождают голод. Зависимость населения от пищи подтверждается еще и тем фактом, что на сто умерших в глубокой старости приходится поразительно много людей состоятельных и очень мало бедняков. Напротив, в полном цвете сил бедных умирает значительно больше, чем богатых.

В общем, первые два положения Мальтуса мы считаем совершенно доказанными современными статистическими изысканиями. Что же касается третьего, то и против него особенно серьезных возражений, насколько нам известно, не предъявляется. Препятствия, задерживающие размножение людей и приводящие таким образом население к уровню имеющегося в стране продовольствия, сводятся, по Мальтусу, к пороку, несчастьям и нравственному воздержанию. Перечисляя подробнее все неблагоприятные для роста населения условия, он делит их на *разрушительные* и *предупредительные*. И в самом деле, хотя перечень этих условий не может считаться у Мальтуса достаточно полным, тем не менее само разделение вполне соответствует тому, что наблюдается в жизни, и может быть принято не без пользы исследователем общественных явлений. Конечно, мы далеки от того, чтобы делать отсюда все выводы автора «Опыта...» и рекомендовать читателям «воздержание», но это только потому, что до такого вывода еще далеко, и мы не можем согласить-

ся с некоторыми промежуточными рассуждениями Мальтуса. Под приведенными же тремя положениями мы безусловно подписываемся.

Но не эти положения подвергаются критике со стороны противников «Опыта...», громы и молнии на голову Мальтуса навлекли пресловутые прогрессии. Факт, по своей курьезности заслуживающий быть отмеченным. Чтобы определить, в чем именно заключается сущность мальтусова учения, достаточно обратиться лишь к сочинениям современных его приверженцев, – конечно, из числа настоящих ученых. Что же оказывается? Писатели, присоединяющиеся к основным положениям «Опыта...», собственно о прогрессиях или вовсе не говорят, или только упоминают о них как о чересчур резкой *форме*, в которую вылилась у Мальтуса верная по существу мысль, что население имеет тенденцию размножаться быстрее продовольствия. Таким образом, сами прогрессии защитники Мальтуса уступают его противникам без боя. Поэтому и мы, лишь в самых коротких словах показав неудовлетворительность знаменитых математических формул, обратимся к разбору той *верной*, по мнению защитников Мальтуса, мысли, которая скрывается за этими рядами произвольных цифр.

Мы видели уже, как слабо с фактической стороны обставлены прогрессии в самом «Опыте...». Следовательно, прежде всего их надо признать *недоказанными*. Относительно прогрессии арифметической в этом нельзя и усомниться,

ибо она не только не доказана, но и не доказывается, а просто лишь формулируется. Что же касается геометрической прогрессии, то при ее универсальности она подтверждается очень плохо, всего одним-единственным примером, – примером, который к тому же оказывается выбранным далеко не удачно. Еще при жизни Мальтуса ему было указано, что, определяя период удвоения населения Соединенных Штатов, он упустил из виду столь важный фактор, как переселения. Ошибка благодаря этому получилась немалая, тем более что двадцатипятилетний период удвоения не подтвердился ни на одной стране. Чтобы опровергнуть Мальтуса в этом пункте, Годвин прибег к очень любопытному приему обратных вычислений. Исходя из наличного для его времени населения Швеции и предполагая, что оно удваивалось только каждые 140 лет, он приходит к курьезному выводу, что в эпоху падения Западной Империи Швеция обладала лишь тремястами душами населения, а несколько раньше, то есть именно тогда, когда страна начала посылать на юг свои воинственные полчища, в ней было не больше одного жителя. На вычисления Годвина Мальтус совершенно справедливо ответил, что нельзя опровергать его мысли на примере страны, находящейся очевидно в застое. Однако впоследствии расчет Годвина применен был ко всей Европе и дал в результате почти столь же нелепый вывод.

Мальтус, к сожалению, постоянно смешивал действительность с возможностью и, совершенно правильно говоря о

тенденции, допускал вместе с тем невозможное, а именно, что чистая абстракция проявляется в том же самом виде и в действительной жизни. Говоря о тенденции, он был прав: современные исследователи (Ваппеус, Вагнер и другие) свидетельствуют, что, отрешившись от мысли о постоянно воздействующих на население препятствиях, мы можем действительно допустить (как чисто *физиологическую возможность*) такое размножение населения, при котором период удвоения будет именно не длиннее 25 лет. На практике, однако, этого никогда не бывает: самый короткий период удвоения, который только приходилось констатировать статистикам в Европе, равняется 50 годам; в среднем же этот период простирается от 100 до 150 лет. Таким образом оправдывается и самый факт размножения населения в геометрической прогрессии (ибо, удваиваясь в 100 лет, оно учетверяется в 200 лет и так далее), и физиологическая возможность очень быстрого размножения при отсутствии всяких препятствий; не оправдывается лишь принятый Мальтусом слишком короткий период удвоения. В этом случае, как и во многих других, совершенно основательное по существу обобщение Мальтус выразил в крайней, утрированной форме.

Если геометрическая прогрессия сама по себе верна, а неверен лишь взятый Мальтусом срок удвоения, то нельзя сказать того же о прогрессии арифметической, долженствующей выражать прирост продовольствия, но представляющей собою в сущности совершенно произвольное, ни на чем

не основанное утверждение. Как выражение действительности, арифметическая прогрессия ошибочна, потому что на деле благодаря научным открытиям и техническим усовершенствованиям производительность человеческого труда росла до сих пор, как и народонаселение, в прогрессии геометрической, только в прогрессии еще быстрее возрастающей. Как выражение возможности арифметическая прогрессия является не достоверным законом и даже не научной гипотезой.

В какие чисто математические ошибки впал Мальтус при сопоставлении обеих прогрессий, было раскрыто Чернышевским в его примечаниях к Миллю; на этой стороне дела мы не станем останавливаться. Для нашей цели важнее то обстоятельство, что, формулируя арифметической прогрессией прирост продовольствия, Мальтус упустил из виду целый ряд условий, оказывающих на этот прирост самое решительное влияние. Социалистам принадлежит честь первого указания на главное из таких опущенных Мальтусом условий: на роль распределения и социально-политических условий труда. Хотя некоторые социалисты впали в крайность, утверждая, что каждой общественной форме соответствует свой закон народонаселения и что поэтому никакого общего для всей истории человечества закона быть не может, тем не менее важность распределения подчеркнута была ими совершенно правильно, а отсюда следует вывод, что возможность реформы в этом отношении вносит существенную поправку

в формулу продовольствия. Из других опущенных Мальтусом условий упомянем здесь постоянно обнаруживающийся прогресс в утилизации продукта – прогресс, заключающийся в том, что люди научаются из того же количества пищи извлекать больше пользы для своего организма; упомянем дальше о развитии самого человеческого организма, об улучшении пищеварительных и иных его свойств, вследствие чего достигается та же цель, что и в первом случае, но только с другого конца; упомянем, наконец, о совершенствовании социального устройства и сотрудничества, усиливающих, тоже в своем роде в геометрической прогрессии, власть людей над природой...

Все это было забыто Мальтусом, когда он формулировал свою арифметическую прогрессию, а введи он в расчет все перечисленные нами условия, много ли бы осталось от его обобщения?

Арифметическую прогрессию, ввиду всего сказанного, приходится совершенно отбросить, геометрическую – исправить, удлинив назначенный Мальтусом слишком короткий срок для удвоения. Изменяя таким образом обе сравниваемые величины, мы уничтожаем возможность того непосредственного и простого сопоставления, которое Мальтус делал при помощи двух неодинаково возрастающих рядов цифр. Но, отбрасывая математические формулы, мы этим нисколько не вредим основной заключающейся в них мысли, что народонаселение имеет постоянную тенденцию воз-

растать быстрее продовольствия. И тут современная экономическая наука все больше и больше склоняется к взгляду Мальтуса.

Чтобы не утомлять внимания читателей, мы не станем здесь приводить подлинных слов Ад. Вагнера, Рюмелина, Роберта Моля и других исследователей, принимающих названную выше тенденцию за доказанную; мы не станем также загромождать нашего изложения статистическими данными, подтверждающими, что при всем искусстве человека земля постепенно истощается в своем плодородии, домашний скот, доставляющий человеку мясо и молоко, отстаёт в своем размножении от размножения людей. Отметим здесь только, что возможность и даже неизбежность перенаселения признается социалистом Каутским и при полном изменении существующего экономического строя. Отметим еще, что из русских исследователей г-н Южаков, опровергающий (преимущественно ссылаясь на доводы Спенсера) прогрессии Мальтуса, допускает, однако, конечное истощение «всех потенциальных сил земной поверхности». Но, разумеется, и противников этого взгляда существует немало.

В общем, все-таки надо сказать, что вполне определенно и в то же время совершенно научного ответа на выдвинутый Мальтусом вопрос при современном положении нашего знания дать еще невозможно. Многие, однако же, заставляют склоняться на сторону пессимистических предвидений Мальтуса и сомневаться, чтобы борьба за существование, ко-

нечно, не в ее современной грубой форме, могла когда-нибудь совершенно исчезнуть из человеческого общества. Но утверждать это вполне решительно кажется нам столь же рискованным, как утверждать обратное, что какова бы ни была численность рода человеческого, он всегда найдет себе на земле достаточное пропитание.

Одно только надо твердо помнить: вопрос ставится здесь исключительно об *отдаленном будущем*, в настоящем же нет никаких указаний на существование действительного, *абсолютного* перенаселения, хотя Мальтус и утверждает противоположное. «Опасность перенаселения, – говорит он в одном месте, – вовсе не так удалена, как принято думать, она напротив весьма близка и неизбежна». В другом месте, оспаривая Кондорсэ, он выражается еще решительнее: «Картина последствий, которые вызовет размножение людей, когда число их превзойдет средства существования, нарисована Кондорсэ вполне правдиво. Единственный пункт, в котором я тут с ним расхожусь, касается времени, когда предположение его осуществится. Кондорсэ полагает, что оно *должно* осуществиться в будущем, но вместе с тем полагает, что будущее это отделено от нас еще огромным расстоянием времени... Мы же можем сказать, напротив, что эта эпоха *давно уже наступила*».

В полном соответствии с таким взглядом Мальтус «прописывает» и свое столь прославившееся «лекарство»: нравственное воздержание. Для нас, отрицающих наличность пе-

ренаселения, нравственное воздержание, разумеется, представляется совершенно излишним; но, кроме того, оно имеет и свои специфические недостатки, которые мы здесь просто перечислим: 1) воздержание от вступления в брак и даже только позднее вступление в него, по общему отзыву всех исследователей, неизбежно увеличивает разврат и проституцию; 2) нет никакого основания ожидать, чтобы столь трудная нравственного характера обязанность стала практиковаться сколько-нибудь значительным количеством лиц, и 3) никогда общественные бедствия не врачуются личными добродетелями. Размножение людей подчиняется столь же строгим и столь же мало зависящим от воли отдельного человека законам, как и размножение продовольствия; поэтому, если все усилия людей оказываются недостаточными, чтоб побудить природу к большей щедрости, нет основания ожидать, что направленные в другую сторону усилия эти окажутся сколько-нибудь действительными. Во всяком случае, увеличивать количество пищи (воздействовать на природу) не труднее, а легче, чем сокращать размножение людей (воздействовать на воспроизводительную способность). Вообще патентованное средство Мальтуса и обоюдоостро, и недействительно, и наивно.

Раз допустив наличность перенаселения, Мальтус сделал отсюда все те свои фальшивые публицистические выводы, за которые его с полным основанием упрекают некоторые из его критиков. Если перенаселение существует, то среди ко-

го, среди какого класса населения? Очевидно, не среди людей состоятельных, имеющих возможность воспитывать своих детей и вооружать их для предстоящей им борьбы за существование самым действительным в наше время оружием – деньгами. Перенаселение, если оно существует, должно обнаруживаться, конечно, среди простого люда, среди рабочих, подвергающих таким образом свое потомство неограниченному действию «препятствий разрушительных». Как же избежать им последствий перенаселения, как отстранить от себя все бедствия порока и нищеты? Единственный путь, указываемый Мальтусом, – это нравственное воздержание. Итак: высшие классы, в силу их богатства, не нуждаются в предупредительном средстве; низшие же, *в наказание* за свою бедность, должны отказаться от брака и от любви, чтоб обратиться в бесполоую породу тружеников, обогащающих счастливых пустоплясов и не имеющих своих собственных радостей... Вот тот жестокий вывод, к какому в конце концов приходит Мальтус, который, сделавшись удобным оружием в руках некоторых буржуазных экономистов, скомпрометировал и все его учение.

Но правилен ли этот вывод, вытекает ли он из самых основ учения Мальтуса, как оно было изложено им в двух первых главах его «Опыта...»? Совершенно неправилен и нисколько не вытекает.

Как мы уже видели, Мальтус был прав, говоря о зависимости населения от пищи, но следует ли отсюда, что он был так

же прав, признавая возможным на вопрос «Отчего люди голодают?» отвечать: «Оттого, что их слишком много.»? Между обоими положениями лежит целая пропасть, через которую нельзя просто перескочить, а надо перебросить сначала мост доказательств и связную цепь строго логичных рассуждений. Мальтус вместо этого свой чисто научный анализ причин, содействующих и препятствующих естественному росту населения, предложил просто, без всяких оговорок и, разумеется, вполне ошибочно, как полное решение всех современных ему экономических неурядиц, в действительности обусловленных целым рядом разнообразных и сложных факторов. Правильно указав на грозящую в будущем опасность, он совершенно уже неправильно сделал ее отправным пунктом в своем анализе современности.

Но и этого мало. Простое применение теоретических основ учения о народонаселении к объяснению окружающей действительности, как бы такое применение само по себе ни было неправильно, не может еще привести к тем жестоким и несправедливым практическим заключениям, к которым, как мы видели, приходит Мальтус. Почему последствия перенаселения должны нести на себе только бедные? Из *сущности* мальтусова учения это вовсе не вытекает. Тут, очевидно, мы встречаемся, уже не в первый раз, с результатом внесения того фальшивого публицистического элемента, который пронизывает собой как «Политическую экономию», так и «Опыт о народонаселении». Начиная с этого момента,

автор перестает логично рассуждать и объективно анализировать. Желая улучшить материальное положение рабочих, он их обрекает на такое беспросветное в нравственном отношении существование, которого, конечно, никогда никто не предпочтет. Практические выводы Мальтуса – продукт его практического же стремления подорвать в корне реформаторские проекты Годвина. Наука здесь ни при чем; учение о народонаселении также. Нам остается напомнить прекрасные слова Аксакова:

...И даже лучшие жрецы
Во храме – вещи пророки,
Вне храма – жалкие слепцы!

Ближайшие последователи Мальтуса, то есть люди, называвшие его своим учителем, тем именно и почтили его память, что, игнорируя теоретические основы «Опыта о народонаселении», с полнейшим восторгом приветствовали горький, червивый плод публицистического увлечения великого экономиста. Его наследие, захватанное грязными руками, стало предметом отвращения для благомыслящих людей: оно обратилось в оружие против всех прогрессивных стремлений прийти на помощь «униженным и оскорбленным», и сам Мальтус стараниями своих учеников из *друга* бедных превращен был в их *врага*. Тогда имя автора «Опыта о народонаселении» стало произноситься не с благодарностью и уважением, которых заслуживает этот глубокий мыс-

литель, но с презрением и хулой, составляющими справедливое воздаяние недобросовестного и угодливого публициста. В Мальтусе эти два разных человека чудным образом уживались в мирном соседстве. Его современникам поневоле приходилось считаться с ними обоими, но нам в настоящее время нет дела до второго. Публицист Мальтус умер: он весь принадлежал своему времени и с ним же вместе отошел в вечность. Зато Мальтус-ученый жив; с ним приходится до сих пор иметь дело: в его «Опыте...» через сто лет после его выхода в свет ученые продолжают черпать свою мудрость...

А та загадка Сфинкса, которой Мальтус в конце XVIII века не сумел решить, остается нерешенным, таинственным, тревожным вопросом и накануне XX столетия!

Источники

1. *Malthus*. An Essay on the Principle of Population or a view on its past and present effects on Human Happiness. With a Biography and critical Analysis by Bittany. London. 1890.
2. *Malthus*. Principles of Political Economy considered with a view to their practical application. London. 1820.
3. *Malthus*. An Inquiry into the Nature and Progress of Rent and the principles by wich it is regulated.
4. Definitions in Political Economy. By T. R. Malthus.
5. Oeuvres de Malthus Collection des principaux économistes de Guillaumin et C°. 2 vol. Paris. 1845–1846.
6. *J. Bonar*. Malthus and his work. London. 1885.
7. Letters of Ricardo to Malthus. Edited by J. Bonar.
8. *Мальтус*. Опыт о законе народонаселения. Пер. Биби-кова со вступ. ст. переводчика. СПб. 1868. 2 т.
9. *Godwin*. Political Justice A Reprint of the Essay on Property. Edited by H. Salt with introductory note. London. 1890.
10. *W. Godwin*. Recherches sur la Population et sur la Faculté d'accrassement de l'espèce humaine contenant une réfutation des doctrines de m. Malthus. Traduit par F. S. Constando.
11. *Garnier*. Du principe de population. Paris. 1857.
12. *Smissen*. La Population, les causes de ses progrès et les obstacles qui en arrêtent l'essor. Bruxelles. 1893.

13. *Kautsky*. Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Wien. 1880
14. *Soetbeer*. Die Stellung der Socialisten zur Malthus'schen Bevölkerungslehre. Berlin. 1886.
15. *Rümelin*. Reden und Aufsätzen. Freiburg. 1875.
16. *Rümelin*. Die Bevölkerungslehre. Статья в «Handwörterbuch der Polit. Oekonomie», herausgegeben von Schönberg.
17. *Elster*. Bevölkerungslehre. Статья в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», herausgegeben von Conrad, Elster, Lexis und Loening. 2-ter B.
18. *Rescher*. System der Volkswirtschaft. I. B., 5 Buch. 1890.
19. *A. Wagner*. Lehr- und Handbuch der Polit. Oekonomie. I. Band, H-er Halbband, Leipzig. 1893.
20. *Mohl*. Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften.
21. *Julius Kahtz*. Die geschichtliche Entwicklung der National-Oekonomie und ihrer Literatur. Wien. 1860. Zweite Abth.
22. *Ингрэм*. История политической экономии.
23. *Евг. Дюринг*. Курс национальной и социальной экономии.
24. *Duhring*. Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Socialismus. 1879.
25. *Джон Стюарт Милль*. Основания политической экономии. Рус. пер. с примеч. и доп. Чернышевского.
26. Сочинения *Давида Рикардо*. Пер. Н. Зибера. СПб.

1882.

27. «Энциклопедический словарь» Гарбеля и К°.

28. *С. Н. Южаков*. Социологические этюды. СПб. 1891.